

ТЕРРА
НЕИЗВЕДАННАЯ

Сборник
Терра неизведанная

ИД «СеЖеГа»

2023

УДК 82-822
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Сборник

Терра неизведанная / Сборник — ИД «СеЖеГа», 2023

ISBN 978-5-6049783-2-0

Сколько вокруг нас неведомого, волшебного, странного. Новый сборник «Терра неизведанная» откроет вам дорогу в неизведанные миры. Эти миры могут походить на наш, могут отличаться от него как небо от земли. Эти миры могут быть сказочными или фантастическими. В них может причудливо смешаться волшебство и наука. Но объединяет их одно – стремление человека постичь неизведанное. Пройтись по дорогам Вечности, заглянуть в окно тайны и открыть загадку Мироздания. Всё это и многое другое вы найдёте в этой книге.

УДК 82-822
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-6049783-2-0

© Сборник, 2023
© ИД «СеЖеГа», 2023

Содержание

Любовь Лукина. Евгений Лукин	6
Смертельная	6
Ирис Аполло	12
Волшебная флейта 1	12
Волшебная флейта 2	21
Михаил Афонин	26
Сувенир для бабушки	26
Юлия Бадалян	30
Город забытых богов	30
Память о Селении	33
Александр Донской	37
Город Бога	37
Алёна Калинина	45
Человек с быстро-бьющимся большим сердцем	45
Александр Камаев-Левицкий	46
Картинки лета	46
Сергей Лысков	52
Смайлик человечеству	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Терра неизведанная

Составитель: Сергей Малышев

Я люблю историю и считаю, что фантастика – это и есть способ популяризации истории: ты берёшь то, что считаешь важным и помещаешь эту ситуацию в будущее, на другие планеты, куда угодно. И всё – людей уже не оторвать.

Джеймс Кэмерон

Не стоит смотреть на фантастику свысока – особенно на такую, настоящую; есть вещи, которые только оттуда и узнаешь.

Лев Данилкин

© Коллектив авторов, 2023

© Антон Осинцев, художник, 2023

© Малышева Галина Леонидовна (ИД СеЖеГа), 2023

Любовь Лукина. Евгений Лукин

Смертельная

Перебравшись на борт единственной здесь орбитальной станции, туристы первым делом врывались в обсерваторию и устраивали давку возле телескопа. По очереди впаляли горящие глаза в линзы окуляров – и замирали в восхищении: внизу, подёрнутая лёгкой дымкой, плыла Смертельная. Девственные леса, прозрачные реки, незатоптанные пляжи...

У туристов захватывало дух.

Потом их приглашали по одному к начальнику станции и предлагали подписать бумагу, что с момента высадки на поверхность планеты за их жизнь и здоровье администрация ответственности не несёт.

Эта процедура всегда производила сильное впечатление. От начальника выплывали притихшие и в телескоп теперь заглядывали осторожно и с уважением.

– Позвольте! – ошеломлённо сказала дама в модном комбинезоне, имитирующем скафандр высшей защиты. – Но если там действительно так опасно, то почему туда пускают туристов?

– Как же, не пустишь вас! – сварливо откликнулся долговязый пилот, сотрудник станции. – В прошлом году попробовали не пустить – так тут такое поднялось...

Он безнадежно махнул рукой.

– Пожалуй, – поколебавшись, сказала дама, – я откажусь от экскурсии.

Примеру её последовали ещё несколько человек.

Потом ещё несколько.

Потом ещё.

* * *

Когда посадочная шлюпка опустилась на серый бетон единственного на планете космодрома, в ней было всего десять туристов. Десять самых отчаянных. Припав к иллюминаторам, они с замиранием озирали окрестность. В центре бетонного поля – два низких купола, по периметру – мощные силовые установки. А дальше – природа.

Пилот разгерметизировал салон и опустил аппарат.

– Вот вы и на месте! – с преувеличенной бодростью извещал он. – А возле купола вас егеря встретит...

Туристы переглянулись.

– А проводить вы нас разве не хотите?

В глазах пилота явственно обозначилась тоска.

– Так ведь тут же рядом совсем...

– Ну нет, так не пойдёт! – занервничав, сказал руководитель группы. – Раз уж взялись доставить – передайте из рук в руки.

Пилот с неохотой выбрался из кресла и сошёл по аппарели на серый бетон. До самого купола он шёл с напряжённой спиной и расслабился, только оказавшись в помещении.

– И где же ваш егеря?

– Подождём... – неопределённо отозвался пилот, озираясь.

– А кроме егеря, никто больше на планете постоянно не живёт?

– Да как вам... – замылся пилот. – Вообще-то тут ещё группа биологов... работает...

Слово «работает» он произнёс с сильным сомнением.

– Так работает или нет? Вы что, сами не знаете? Или... с ними что-нибудь случилось?..

– Здравствуйте, – послышался негромкий бесцветный голос – и все обернулись. Маленький невзрачный человек с серым осунувшимся лицом ощупывал туристов цепкими, глубоко посаженными глазами.

– Вы, вы и вы, – сказал он. – Отойдите вон туда в сторонку.

Трое мужчин, недоумённо переглядываясь, подчинились.

– Во время экскурсии, – бросил егеря, – будете находиться на базе. Из купола – ни шагу!

– Мать честная! – потрясённо выдохнул пилот. – Как же я сам не сообразил!..

– Да что случилось-то? – вырвалось у черноволосой туристочки.

– Лысые они, – испуганно понизив голос, пояснил пилот.

Все оторопело уставились на отбракованных.

– Кто лысый? – возмутилась черноволосая. – Гоша бритый!

Егеря искоса взглянул на заступницу.

– А там никто спрашивать не будет, – проворчал он, – лысый ваш муж был или бритый...

– Но...

– Вы тоже останетесь на базе, – по-прежнему не повышая голоса, сообщил он.

– Как?!

Вопрос остался без ответа. Невзрачный человечек ещё раз оглядел оставшихся.

– Значит, так, – сказал он. – Когда выйдем из-под защитного поля – идти за мной след в след, дистанция – метр. Разговаривать негромко, а лучше совсем не разговаривать...

– Знаете... – покряхтев, заговорил руководитель группы. – Я, наверное, тоже останусь...

– А вы старший?

– Да.

– Без вас я группу не поведу. Не имею права.

– Да знаете... Я что-то неважно себя чувствую...

– Ну, это как раз не страшно, – утешил егеря. – Оттуда, по-моему, больные чаще здоровых возвращаются... Теперь главное. Расчески, ножи, калькуляторы, компьютеры, пудреницы, видеокамеры – всё на стол. Если ремень с пряжкой – тоже. Без пряжки – можете оставить при себе.

– По большому маршруту поведёшь? – полюбопытствовал пилот, пока туристы разгружали карманы.

– Там сейчас не пройти, – помолчав, негромко отозвался егеря. – Вчера пробовал – вернулся...

– А биологи? – понизив голос, спросил пилот – и все впились глазами в егеря.

Егеря нахмурился и промолчал.

– Разоружились? – повернулся он к туристам. – Всё выложили? Карманы проверять не надо? Тогда построились в цепочку – и за мной к выходу.

– Как? А скафандры?

– Какие скафандры?

Турист замаялся.

– Ну, если жить надоело, можно и в скафандре... – не дождавшись ответа, пробормотал егеря. – Только без меня...

* * *

Из купола они вышли след в след. Пройдя несколько шагов, егеря резко остановился. Туристы замерли. Все, кроме одного. Этот уже успел на что-то засмотреться.

– Возвращайтесь в купол, – приказал ему егеря.

– Почему?

– Там объяснят.

Оставшись вшестером, миновали генератор силовой защиты. Дальше бетон старел на глазах – лежал, раскрошенный, проеденный травами и мхами.

– Разулись, – приказал егеря, вылезая из растоптанных сандалий. – Обувь бросьте здесь. Обуетесь, когда вернёмся.

Тут он заметил, что туристы с ужасом смотрят куда-то в сторону – и оглянулся. Там, в нескольких метрах от них, стояли рядом три пары обуви. Одна из пар – женская.

– Чёрт... – хмурясь, пробормотал он. – Убрать забыл... Ладно, пошли...

Бетон кончился, под босыми ногами была теперь тёплая травянистая планета – ласковая, вкрадчивая. Смертельная.

– Может быть, вернуться? – жалобно подал голос замыкающий.

– Поздно, – без выражения отозвался егеря.

– Почему поздно? Несколько шагов...

Егеря остановился. Остальные – тоже. Обернулся к замыкающему:

– Куда несколько шагов? *Туда?*

Все оглянулись на серое бетонное поле. Потом снова посмотрели на егеря.

– Шутник... – проворчал он, возобновляя движение.

– Я всё-таки вернусь, – сказал замыкающий.

– Хорошо! – бросил егерь, снова останавливаясь. – Только дайте нам сначала отойти шагов на двадцать. Махну рукой – можете возвращаться. А вас... – Он повернулся к остальным. – Вас я прошу внимательно посмотреть, что потом будет. Посмотреть и запомнить.

Отойдя на двадцать шагов, они оглянулись и увидели, что замыкающий, утирая пот с бледного лба, следует за ними.

Шумели травы. В кустах кто-то мурлыкал. Серое лицо егеря совсем обрзало. Бесшумно ступая, он вёл группу по еле намеченной в траве тропинке.

– Смотрите, зверёк, – тихонько сказала туристка.

Действительно, на опушку выбежал зверёк, напоминающий кошку с беличьим хвостом. Егерь глянул на него искоса, но шага не замедлил. Видимо, опасности зверёк не представлял.

– Какая прелесть! – сказала туристка. – А что делать, если он выбежит на тропинку?

– Ничего, – отозвался егерь. – Прежде всего в панику не впадать. Особенно, если начнёт тереться об ноги. Стоять неподвижно. Полчаса будет тереться – полчаса стоять неподвижно... Стоп!

Впереди через тропинку переливалась отсвечивающая металлом струйка чего-то живого.

– Придётся в обход... – тихо сообщил егерь. – Плохо...

– Муравьи? – шёпотом спросил руководитель группы.

– Если бы... – отозвался егерь – тоже шёпотом.

Они прошли вдоль ручья, где над подозрительно прозрачной водой качались похожие на шупальца лианы, и, обогнув пригорок, замерли.

Впереди, метрах в двадцати от них, лежал человек. Это был рыжий парень в розовой мятой рубашке и белых потрёпанных брюках. Босой. Лица его видно не было.

– Человек лежит... – проговорил кто-то, не веря своим глазам.

Все обернулись к егерю. Егерь молча смотрел на лежащего. Лицо его выражало не то скорбь, не то полное равнодушие.

– Лежит... – отозвался он наконец. И было в этом его «лежит» нечто такое, от чего на туристов повеяло ужасом.

– И давно он...

– Второй год, – сказал егерь. – Вообще-то меня просили никому его не показывать, но вы же сами видели, как всё вышло... Тропинку пересекло, а другого пути тут нет...

– Он... дышит? – ахнула туристка, вглядываясь.

– Дышит, – помолчав, согласился егерь. – В том-то всё и дело что дышит... Сейчас через овраг пойдём... место скверное... Так что повнимательней там, пожалуйста. Что-то предчувствие у меня сегодня нехорошее...

Туристы содрогнулись.

В овраге было красиво. Видимо, это и имел в виду егерь, назвав овраг скверным местом. Запах больших фиолетово-розовых цветов кружил голову. Хотелось упасть в траву, раскинуть руки, закрыть глаза... И нехорошее предчувствие не обмануло. Замыкающий остановился, потом сделал несколько неверных шагов в сторону и, зажмурясь, потянулся носом к цветку.

Его счастье, что егерь оглянулся. Этот удивительный человек чувствовал опасность спиной.

– Не двигаться! – сипло приказал он – и замыкающий, опомнясь, застыл с вытаращенными глазами. Все оцепенели.

– Спокойно... – тихо, напряжённо заговорил егерь. – Главное – спокойно, земляк... Пока ещё ничего страшного... Попробуй вернуться на тропинку по своим следам... Ну-ка, выпрямись потихоньку... Так... Давай-давай... Левую ножку наза-ад... Теперь правую... Да не спеши ты!..

Кое-как замыкающий выбрался на тропинку – и егерь вытер ладонью мокрое лицо.
– В-вы... – заикаясь, начал глава группы. – В-вы п-понимаете, что натворили!.. Чуть не натворили!..
– Не надо, – попросил егерь. – Ему вон и так худо. Не надо сейчас. Обошлось – и ладно...
Они вылезли из оврага и снова оказались на краю бетонного поля. В центре его круглились жилые купола, чуть поодаль посверкивала посадочная шлюпка с опущенной аппарелью.

* * *

– Вы представить не можете, как я вам благодарен! – сбивчиво заговорил замыкающий, когда они вновь вошли в помещение.
Егерь в бешенстве повернулся к нему.
– Сразу же, как вернётесь на орбиту, – процедил он, – дадите подписку больше эту планету не посещать!
– Господи! – вскричал виновный, прижимая руки к груди. – Да я и сам теперь ни за что... Да я... У меня в этом овраге даже зуб под коронкой заболел – от страха...
Пилот встал. Егерь впился глазами в лицо туриста.
– Зуб? Какой зуб?
– Золотой... – неуверенно ответил тот. – Зуб, говорю, под коронкой...
Несколько секунд егерь смотрел на него обезумевшими глазами. Потом круто повернулся и молча вышел из помещения.
– Что... правда, зуб? – спросил пилот.
Турист открыл рот и показал коронку.
– Ну, ребята... – только и смог вымолвить пилот. – Как же вы оттуда вернулись вообще?..

* * *

Егерь даже не вышел попрощаться. Но туристы и не думали обижаться на него. Поспешно заняли свои места в шлюпке – и над бетонным полем взвыли двигатели.
Егерь хмуро следил, как пропадает в небе выющийся белый след. Потом вернулся в купол и, подойдя к экрану связи, сердито ткнул клавишу.
На экране возникла зелёная лесная полянка и огромный негр с яблоком в руке.
– Салют! – сказал негр и нацелился откусить от яблока.
– Сейчас я буду с тобой ссориться, Александр, – предупредил егерь.
Негр раздумал кусать яблоко.
– А что такое?
– Я вас, друзья-биологи, с планеты выставлю! – пообещал егерь. – Ты знаешь, что сейчас отчудил твой Рыжий? То есть даже в голову не придёт! Представляешь: решил вздремнуть на солнышке у оврага! Рядом с маршрутом! А я как раз туристов веду!
– И что? Заметили?
– Конечно, заметили.
– А как же ты выкрутился?
– Ну, это уж моё дело... – сказал егерь. – ... выкрутился.
– Слава богу... – с облегчением вздохнул Александр.
– Да если бы! – вспылел егерь. – Они же теперь об этом рассказывать начнут! Про такую жуть – да не рассказать?.. И вот увидишь, уже следующая группа завопит, чтобы я непременно показал им этого... который второй год лежит и дышит!.. – Передохнул, посопел. – В общем так, Александр: придётся твоему Рыженькому ещё полежать... Он теперь у меня вроде как экспонат.

Александр пришёл в ужас:

– Да ты что? Ему же работать надо! У него же... Слушай, а, может, обойдётся как-нибудь, а? Через пару месяцев передадим материалы в Комиссию. А там, глядишь, планету заповедником объявят...

– Через пару месяцев? А ты представляешь, что это стадо здесь натворит за пару месяцев? Если выяснится, что Смертельная вовсе не смертельна!.. Истопчут, изроют, изрежут инициалами и спялят напоследок!.. Нет, Александр, не получается.

Тёмное лицо Александра стало несчастным.

– Слушай, а может, вместо Рыжего какой-нибудь муляж положить? – с надеждой спросил он.

– А где возьмём муляж?

– Н-ну... сделает он муляж!

– Вот пусть делает. Чтобы один к одному. И чтобы дышал. А пока не сделает... По первому моему сигналу – со всех ног на край оврага! В любую погоду! И чтобы лежал на том же самом месте, в той же самой позе – и дышал! Экспонат!..

1993

Ирис Аполло

Волшебная флейта 1

Моему мужу

«– Мне кажется, на свете нет ничего прекраснее любви, – продолжал вдохновенный голос из глубины мраморной плиты. – Если ты любишь, ты будешь жить вечно, потому что, даже если ты умрёшь, любовь все равно останется в твоих воспоминаниях. Она не может надоесть, от неё нельзя устать. Пожалуйста, скажи мне ещё раз, что ты любишь меня ...»

– Я люблю тебя! – сказал я.

– Ну вот, а теперь, – тихо сказала она, – можно Поговорить о чем-нибудь другом. Когда мы общались с тобой в последний раз?»

Рей Бредбери

– Елла, ты в библиотеке? Гелион, поднимись ко мне в кабинет, детка!

– Елла! Но я в Александрийской библиотеке! Только что нашёл полное собрание Гая Петрония Арбитра! Я его обожаю. Уже конец рабочего дня! Можно мне остаться, а?

– Александрийская библиотека всегда к твоим услугам. А Гай плохо на тебя влияет... и у меня к тебе срочное дело. Прости, baby! Жду.

И отключился. Но послушаться я не решаюсь и с сожалением откладываю свитки.

Библиотека на 30 этаже нашего Института Экспериментальных миров, а кабинет Директора на 35.

Мне можно и не стучаться.

Да он при параде: элегантный костюм стального цвета очень к лицу. И золотая роза в петлице!

Герман выдаёт авансом самую обаятельную свою улыбку. Значит, точно что-то нужно! Я понимаю, что нарядился он вовсе не для меня, но все равно показываю большой палец в знак одобрения. И, когда дверь захлопывается, я сразу целую мужа в губы.

– У нас с тобой сегодня был запланирован поход в Оперу и ужин со спонсорами, но переигралось. Я ознакомился с требованием наших гостей из Азии и хочу предложить им купить один из старых проектов, висящих на балансе Института мёртвым грузом. Прежний хозяин этого мира недавно умер. Проект, сам по себе, очень энергоёмкий и очень красивый. Лично мной разработан и построен в восточном стиле. Я когда-то потратил на него много сил. Очень жалко его, но, если не купят – он автоматически аннулируется: больше не будет возможности содержать его – чисто энергетически. Все сталкеры сейчас заняты. Малыш, ты должна помочь!

– Ну-у-у-у, почему я? – проявляю недовольство. – Вечер пятницы! И я хочу отдыхать... С тобой!

– Откровенно говоря, Гел, большинство старых проектов запаролено на имя моей жены. Так или иначе... придётся тебе, детка! Заодно прямую трансляцию с места обеспечишь. У тебя всегда такая красивая съёмка. Пусть гости посмотрят! Может, их и проймёт?! И купят... Да, возьми мой Перегрин! – Герман передаёт мне ключи от вертушки: Перегрин, самый быстрый вертолёт между всеми десятью мирами, наша разработка и гордость Института.

– Можно мне поехать мальчиком? Как сейчас, – сжимая ключи в кулаке, спрашиваю я, – Переодеваться так неохота! Да это и удобнее!

– Я уже точно не помню условий. Можно, наверное, и так. Не принципиально. Поезжай мальчиком. Ловчее выйдет.

– А что мне за это будет, если купят?

– Что?! Да что захочет моя королева! – и Герман награждает меня увесистым шлепком, – И гарнитуру не забудь! Я на связи.

– А инструктаж?

– Сообразишь по месту! Там все, в основном, будут тебе подчиняться. Центр силы – сокровище – рубиновый мини-ноутбук... в ларце.

– Рубиновый ноутбук?!?! Почему-то меня это не удивляет. Ты как Маугли! Но как мне его дадут? Или обменять его... А на что?

– Я же сказал: «Тысяча и одна ночь» вперемешку с индийским эпосом! Так отдадут... Или введёшь новые параметры или выключишь. И все!

– Ок! А поцелуй на счастье? Пожалуйста!

– Только один! Ведь задание совсем не сложное! – Директор чмокает меня в щеку, подталкивая к выходу из кабинета, – Может, ещё в Оперу успеем. Сегодня, вроде бы, дают «Севильского Цирюльника»... первый спектакль нового сезона. Возвращайся быстрее. Я люблю тебя, Гел, в любом образе! До вечера!

Перегрин летит сквозь розовеющие облака! Сначала над пустыней, потом над морем. А вот и сити: постапокалиптический пейзаж... война у них была, точно! Это уже не продашь... видно, что мир давно стоит без хозяина.

Штурвал на себя! Пусть все шесть камер геликоптера и мой регистратор снимают эти безмятежные поля облаков цвета зефира на светло-салатовом предзакатном небе!

В гарнитуре слышно, как Герман неспешно беседует за столом со своими заказчиками. Я не понимаю по-арабски... или это не арабский? Издали слышен звон приборов и фужеров, одобрительный смех... это предварительные переговоры. Пока что, кажется, всё хорошо.

– Детка! Сколько ещё до места? Мне пора начинать презентацию, – это уже мне.

– Любимый, пять минут по приборам. Это гора?

– Осторожно, малыш! Это – летающий остров, внушительных размеров. Садись аккуратно!

Три минуты до места. Перегрин проходит сквозь густые облака, клубящиеся вокруг него кольцами ароматного дыма. Кабина на какое-то время заполняется запахом благовоний: сантал, амбра, ароматические масла волнами сменяют друг друга... Я сейчас чихну!

Две минуты. Сплошная стена зелени. Сразу! Винт срезает плети кустовых роз. Цветы летят брызгами во все стороны. Массаракш! Но я успеваю выровнять машину. Ещё сто метров вверх: впереди, из моря цветных облаков и висячих садов, величественно встаёт Тадж-Махал.

Конечно же, этот дворец несравнимо больше индийской усыпальницы. Его ажурные башни устремляются в небо вокруг центрального большого купола, который венчает скульптура Создателя миров – самого Вишну, верхом на белом драконе. Архитектура и сложный декор дворца просто завораживают. Как Герман всё это придумал, уму непостижимо! Ещё один кружок по периметру!

– It's a miracle, baby! Я на месте. Можешь начинать.

– Спасибо! Не отвлекайся, darling!

Я сажаю геликоптер у бассейна перед главными воротами.

Герман всегда уделяет большое внимание входу: «Портал – лицо проекта!». Резные многоуровневые и многофигурные врата просто великолепны. Их ярусы каскадом поднимаются всё выше и выше. Я медленно запрокидываю голову, что бы камера регистратора в моем венце зафиксировала каждый фигурный фриз, каждый золотой орнамент, в который вплетены фигуры людей и животных. Пусть посмотрят заказчики!

Может купят, хоть с дисконтом. Жаль аннигилировать такую красоту.

Вход, конечно, охраняется. И очень надёжно. Трубы Иерихона! Шесть боевых ифритов с разными видами оружия! Невероятно, что я ещё цела! Необходимо снять охранное заклинание, обычно оно общее у всех наших порталов.

Насколько я помню, нужно встать строго по центру: сначала запретительный жест, потом ограждающий. И принимающий.

Ифриты склонили головы, их длиннющие бороды одновременно коснулись золотого гравия дорожки. Оружие опущено. Значит, сработало. И двое из них, с ятаганами, собираются сопроводить меня к Владыке. Как-то мне эта идея не очень близка! Вот надо было зарядить оба глока серебряными пулями!

– Проблемы, детка? – приглушённый голос в гарнитуре.

– Не-е-ет, ифриты! Страшные...

– А, это охрана! Для тебя – они декоративные. Иди, давай! Не трусь. Нужен внутренний вид дворца. Мы все смотрим твоими глазами! Работай, baby, работай! И Лорд Вишну уже ждёт тебя, я уверен!

Внутреннее убранство можно передать одним словом: роскошь! Нет, не так. Роскошь, роскошь и ещё раз: восточная роскошь. Лётные ботинки по щиколотку утопают в ворсе ковров, на потолке золотые павлины, цветы и зеркала, бесконечно расширяющие пространство. Анфилады комнат с витражными окнами заполнены сокровищами: драгоценной посудой, небывальными цветами, статуями, изящной мебелью... всего не разглядишь!

Стены главного коридора расписаны сценами местного эпоса: от сотворения мира Лордом Вишну, до событий последней войны.

Самое начало мира: из плоского чечевичного зерна сотворил Вишну свой мир, играя на золотой флейте. И земля, возникла из его дыхания, как слетает мелодия с губ флейтиста...

Ярче других написаны сцены битвы и покорения Белого Дракона, впоследствии ставшего другом верховного божества. Будто бы Белый Дракон проглотил местную Луну или Солнце... а Вишну заставил его вернуть светила на небеса, и приручил монстра. Фрески выполнены на красном и золотом фонах, богато инкрустированных драгоценными камнями. Вишну, как обычно, синего цвета. Но так виртуозно нарисовано! Весь интерьер на десять с плюсом!

Мимоходом смотрю на себя в одно из зеркал. Какой же я несерьёзно маленький, в чёрной форме Института, которая перестала казаться мне нарядной на фоне этого великолепия. Длинные рыжие волосы неаккуратно перехвачены в нескольких местах, чтоб не мешали. Заморыш.

И стволы выпирают с каждой стороны. Мне хочется модифицировать свою внешность!

– Ничего, ничего, – утешаю я себя, – вот пойдём в Оперу – и причешешься. И каблучки оденешь. И, правда, когда идёшь под руку с Германом, никаких украшений и не нужно!

Просто побыстрее закончить сейчас дела, и все! Это конец рабочего дня. Надо собраться!

В следующем зале весело гремит музыка: ситар, тамбурин, флейты и бубны. Много красивых женщин, кто-то под покрывалом, а некоторые полностью обнажены и прикрыты лишь драгоценностями, да какого качества! У меня таких и не было никогда!

Действительно, затратный проект!

Ифриты выводят меня на большую террасу, освещённую множеством факелов. Облака лежат у самых перил балюстрады, перемешиваясь с клубами ароматного дыма благовоний из больших курильниц. Здесь Музыка ещё ритмичнее и веселее. И прекрасные девушки танцуют, непрерывно сменяя одна другую. Украшения на их телах колеблется от каждого движения...

– Девушки – это хорошо! – включился Герман, – Давай общий вид и опять девчонок. Гостям они всегда нравятся!

Ему, как и его заказчикам видно то же, что и мне. А проект нужно представить максимально выигрышно...

– Будет сделано.

В дальнем конце террасы – великолепный резной трон из золота и слоновой кости. В виде розы. И на нем восседает Владыка, Страж этого мира – Лорд Вишну.

Он лениво покачивает кубком, перемешивая вино, и оглядывает меня из-под ресниц, длинных на грани возможного... золотые украшения ярче переливаются на синей коже. (Да, это классика. Я знаю. Но вживую вижу впервые). Он настолько прекрасен, что я теряю дар речи. Обнажённый торс перевит жемчугом и золотыми цепями. На узких запястьях и стройных щиколотках не счесть золотых браслетов, звенящих при каждом движении хозяина. Вороньи косы настолько длинны, что стекают волнами по ступеням трона.

– Зачем делать Стража столь выразительным?! Его же почти никто не видит!

– Это старый проект, где Стражем является тень самого Демиурга.

Я во все глаза смотрю на живой автопортрет Германа. В восточном стиле, да!

Потрясающе! Крупный, хорошо очерченный рот, нежный, как роза, произносит слова приветствия. Я молча продолжаю изучать его лицо – какая же выразительность! Сама жизнь! Мне начинает приоткрываться смысл творчества Демиурга как художника: желание создать мир вокруг копии своей личности, отразиться в нем, как в зеркале, и потом следить за совместным развитием обеих составляющих системы. Автопортрет во времени и пространстве – можно и так сказать. И в развитии, да!

– Герман! Это потрясающе! Какая красивая, тонкая работа!

Я слышу, как он довольно хмыкает в микрофон.

– Кончай уже меня рассматривать, то есть, его! Детка, не залипай, пожалуйста! Ты на работе!

И все же я понимаю, что ему приятна похвала.

Вишну выгибает одну бровь:

– Чужеземец с Прекрасного Запада не понимает наш язык?! Так я перейду на наречие вашего народа. Что привело тебя сюда, в Страну Восхода, к подножию моего престола?

Английский тоже очень хорош. Только звонкое «Р» выдаёт акцент. Он певучий, скорее приятный. И такой ласковый взгляд...

И тут же строгий голос Германа в гарнитуре: «Гел! Время, baby! Задавай вопрос уже! Я хочу, сегодня, ещё успеть послушать Моцарта».

– О, Совершенный! Я прибыл с Запада, чтобы увидеть величайшее Сокровище – Алый Рубин. Прошу тебя, покажи мне его!

– Рубин? Тот, что в моем венце?

– Нет, тот что в ларце.

– Ты говоришь о Сердце Востока?! Самое главное сокровище этой стороны Света. То, что ты проделал столь долгий путь ради него, воистину достойно похвалы. Гость всегда посланник Всевышнего. Но, вижу, ты утомлён и голоден. Разве сможешь ты оценить игру света на гранях этого камня по достоинству, когда сам ты в таком состоянии? Прекрасным наслаждаются неспешно, не так ли? Сначала отдых и приятная беседа.

Усталость, действительно, накатывает как-то сразу: идти никуда не хочется, и на завтрак были одни мюсли... да и когда это было-то? Перекусить не помешает. Полчаса ничего не решит!

– Можно мне присесть? У ног Владыки Востока?!

Туфля с загнутым носом, вся расшитая камнями, подталкивает мне подушку. Значит, можно.

Откуда-то появляется столик со щербетом и аппетитными фруктами. То, что нужно!

Я пристраиваю свой венец на краешке стола, регистратором в сторону девушек. Пусть презентация станет чуть поживее! Мне надоело любоваться на танцовщиц, я хочу лучше рассмотреть это существо с синей кожей и такими темными карими глазами, что ирис почти слива-

ется с радужкой. Голубоватые белки поблёскивают из-под длинных ресниц. А улыбка подобна полумесяцу в ночном небе!

Подушка мягкая, фрукты необычно большие, но, главное, его магия! Энергия, расходящаяся тугими волнами от всей фигуры Стража настолько позитивная, густая и... вкусная, что ли, хоть ложкой ешь! Мне удаётся подзарядить свои внутренние батарейки.

Как уютно сидеть у его ног! (И дома, около Германа, часто так сижу). Хозяин наблюдает, хорошо ли я ем. Шербет сладкий, но неожиданно крепкий. И, напроочь забыв, что передо мной не сам Герман, я привычно опираюсь затылком об острое колено.

Ну, не знаю кому как, а мне комфортно. Золотой поток живительной энергии пронизывает меня насквозь, когда он, невзначай, проводит рукой по моим волосам и лицу. И это тоже угощение. (Краем глаза я замечаю, что ладонь гораздо светлее и розовее остальной кожи).

– Нравится?

– О, да.

Тогда Вишну протягивает мне свой кубок, я, не задумавшись, что за это обычно дисквалифицируют, осушаю его.

Какое странное чувство: голова идёт кругом и в то же время я готова смеяться от счастья, остаться здесь навсегда, и, вообще, чем я могу быть полезна Его Величеству?

– Побеседуем? Сядь поближе! Расскажи мне последние новости. Я так давно не видел никого с Той Стороны.

– В хорошей Империи нет новостей, Владыка! Что конкретно тебя интересует? – я роюсь в карманах в поисках сигарет. Наконец то! – позволишь закурить?

– Marlboro!

Я затягиваюсь, и тут же изящная рука забирает мою сигарету. Из его тонко прорезанных ноздрей выходят две струйки дыма. Вздох неподдельного наслаждения! И таким знакомым голосом, почти без акцента:

– Детка, я не был на Прекрасном Западе тысячи лет! Пожалуйста, расскажи мне... про осень в Лондоне! Скажи, правда, что сезон в Опере все так же открывают Моцартом? Наверное, сегодня дают «Волшебную Флейту»? (Нет, «Севильского цирюльника»...) Скажи, правда ли, что все так же, как раньше, листья в Гайд-парке сразу краснеют после 5 сентября? А туман под утро густой, как молоко, так что даже дым своей сигареты совсем не виден. И, если дождь зарядил с утра, то это до вечера, и от тоски спасает лишь глинтвейн в кувшине на каминной решётке и томик Шекспира. Или совсем ничего не спасает, когда в ноябре уже выпал снег, сын не звонит, а жена ушла к другому.

Я ошалело смотрю на него: когда же Герман его... создал? Кажется, я знаю...

– Я так хочу снова пройтись под зонтом по Пикадилли, заказать виски на три пальца в Янтарном Грифоне, и вернуться к ужину домой, в Кенсингтон, шурша бумажным пакетом со свежими булочками. И, когда ключ повернётся в замке, я хочу, чтобы на руки мне прыгнула не большая трёхцветная кошка, а моя любимая... Что же ты плачешь?! (Боги Олимпа! Трёхцветная кошка! Я отчётливо слышу звук, с которым моё сердце расколосось пополам, прямо сейчас! О, тот ноябрь! Встать на колени перед ним, целовать руки, умолять о прощении! Бесполезно).

– Сегодня играют «Дон Жуана»! – не кстати выпаливаю я и резко встаю, поспешно отхожу к перилам балюстрады. Ночной ветер разогнал облака и высушил слезы. Под бесконечно высоким звёздным небом чужого мира я снова, как Маленький Принц, думаю только о своей Розе...

– Соберись, Гел! – говорю я себе, усаживаясь на перила, – это просто алкоголь и очень сильная магия! Я же в центре силы этого мира. Надо скорее сделать дело и двигать отсюда. Но Герман пока что отключил гарнитуру. Значит, идут основные переговоры.

Скоро всё решится. И тогда...

Он подошёл совсем неслышно. Терраса опустела. Мы одни. Его губы нерешительно шепчут у самого лица:

– Скажи, тебе когда-нибудь хотелось быть... женщиной?

– Зачем это?

Горячее дыхание на щеке:

– Что бы тебя любил мужчина. Понимаешь? Любил. По-настоящему. Раз и навсегда! Тебе хотелось бы? (Такой, как ты?! Ты?! Да, о да! Да, хотелось, всегда... – больше всего хочу сказать я). Но вместо этого резко отворачиваюсь, чтобы успеть скрыть слезы, хлынувшее сразу очень сильно. Какая-то струна ещё раз больно лопнула в душе, отчего смена моего облика происходит произвольно, на эмоциях.

В следующую минуту к Вишну поворачивает голову не Гелион, а заплаканная рыжая женщина.

– Послушай, зачем эти разговоры? Я видела сегодня сотни прекрасных гурий твоего сераля! Они так прекрасны, что заставят забыть и собственное имя!

– Поначалу девушки меня развлекали, вздохнул Лорд Вишну, – Со временем стало казаться, что передо мной танцует одна и та же красавица... а теперь я их просто не замечаю: есть они или нет, сколько и какие на них украшения – всё равно. Изо дня в день одно и то же. Те же звёзды, те же луны, и те же самые красивые девушки. Я пробовал отвлечься созиданием, потом развлечься войной... Что бы я не делал: охотился, музицировал, занимался другими искусствами... ничто не приносило удовлетворения. Некому оценить результат! Ведь в моей бесконечно совершенной жизни не было того, что придаёт смысл творчеству и приносит удовольствие от создания чего-то нового – не было Любви.

– Но ведь для того, чтобы создать целый мир из чечевичного зерна, нужен Замысел. А чтобы он удался нужна энергия... Любовь, – говорю я.

– Что может выйти из чечевичного зерна, сама подумай? Только простой плоский мир! С двумя сторонами света: Лучезарным Востоком и Прекрасным Западом. Море... и песок пустыни. С редкими оазисами, которые получились, когда настроение было чуть-чуть лучше.

– Ты же играл на флейте...

– Да, играл на своей золотой флейте всего один раз. И снова хочу взять её в руки... Сейчас.

Слышно, как Лорд Вишну набирает в грудь больше воздуха для первой музыкальной фразы. Мелодия как-то сразу вырывается из пасти миниатюрного золотого дракона на конце флейты, заполняет собой всё пространство, и проходит сквозь меня, подобно радиации.

Какое вдохновенное лицо!

Прикрытые ресницы трепещут как крылья бабочки. Дыхание становится звуком, формулой и формой, золотыми цветами, звёздами в небесах, музыкой созидания и разрушения, единой волной целого моря, цунами, которое, обрушившись на барханы и отхлынув, теперь превратит пустыню в благоухающий сад:

«Ты наконец со мной, Лакшми! Я ждал тебя тысячи лет!

Ты всегда была в моей груди, о, роза моего сердца, Лакшми!

Я дождался! Мне ничего не надо – только смотри на меня!

Пророчество исполнено. И умирать не страшно. И жизнь прекрасна.

Лакшми! Прожитые годы перестали казаться дурным сном, когда ты пришла за мной!

Музыка вновь рождается в моей душе, и флейта снова обрела свой голос, потому что рядом ты – птица Сирий на краю чаши фонтана в моем саду. Как же радостно видеть тебя, слышать тебя. Сейчас взмахнёшь крыльями – и улетишь, Любовь моя!

Даже если звезды прольются на землю огненным дождём, и мой мир погибнет, даже в конце времён, я буду благословлять тебя, моя Лакшми!

Потому что в завершении пути я заглянул в твои глаза, Гел!»

– Гел! Я на связи! – раздаётся в гарнитуре.

– Слушаю тебя... – шмыгая носом.

– Почему в нос говоришь, а?! Аллергия на благовония, что ли?

– На щербет!

– Если будешь ещё там есть, пить и это... короче, дисквалифицируют! И снова будешь дома сидеть, ужин мне готовить! Поняла?! Слушай, детка, ничего не вышло. Старый проект не берут. Новый заказывают. Сворачивайся. *Finis mundi* набираешь, как обычно.

– Ок. Герман!

– Да.

– А ты уверен... уверен, что они не настоящие, Стражи твои?! Вдруг будет как тогда с Драконом? Тебе же потом и было очень нехорошо, когда мир закрыли.

– Не уверен! Я знаю! Это всего лишь проекция – срез личности Демиурга на момент создания *il mondo*... мне что, вводный курс построения миров заново читать тебе сейчас?!

Делай дело, и домой! Я уже освободился. В Оперу, хотя бы, ко второму акту успеем.

– Хорошо, – всхлипываю я.

– Эмоционируешь! В женщину перекинулась, поди? Я так и предвидел. Закругляйся, давай.

– О, Совершенный! Покажи мне своё сокровище, как обещал, – собравшись силами, произношу я стандартную фразу завершения. Общую для всех старых миров.

Сквозь слёзы вижу: нежная улыбка Вишну в форме полумесяца сразу же погасла.

– Все-таки хочешь увидеть Сердце Востока? Что же, пойдём.

Высокие арочные окна сокровищницы обращены в сторону моря, плещущегося о берег далеко внизу. Две Луны этого мира – одна подобна кошачьему глазу, вторая классическая, – встают над побережьем, озаряя воду и песок пустыни неверным двойным светом...

– Вот ларец, смотри, – буднично говорит Лорд, – я подарю его тебе, если понравится...

Эта заученная формула подтверждения доступа к панели управления окончательно отрезвляет меня. Теперь можно сделать то, зачем я здесь. Я открываю крышку ящичка, инкрустированную золотом и слоновой костью. Внутри – красный пластиковый мини-ноутбук очень старой модели. То, что нужно.

Клавиатура с полустёртыми кнопками... доступ подтверждён... как бы не промахнуться. *Finis mundi*. Пароль введён. Готово. Я захлопываю крышку.

– Спасибо, дарить не нужно! Мне только хотелось посмотреть на него и всё.

– *Finis mundi*, – тихо повторяет он, прижимая руки к груди.

В следующее мгновение сильный порыв ветра заставляет оглянуться. Море с безумной яростью обрушивается на берег.

– Пророчество исполнено. Лакшми вернулась, но не приняла в дар величайшее сокровище, предложенное ей – Сердце Востока, – пауза, – и моё сердце! Теперь она уйдёт, – хрипло выговаривает Страж Вишну. – Должна уйти обратно. И мир погибнет, лишённый Любви.

Собственно, так и было задумано. Просто посмотрела. И всё!

Я в смятении поднимаю на него глаза.

Герман собственной персоной, как всегда элегантен, в приталенном костюме стального цвета. С золотой розой в петлице.

– Дорогой! – я не верю своим глазам.

– Неужели тебе никогда не хотелось любить меня – мужчину, который так любит тебя?! Любить: по-настоящему. Всеми силами души. Почему ты тогда ушла от меня? Скажи хотя бы сейчас, почему ты отвергла моё сердце?! Объясни это как-нибудь! Сейчас! В конце мира! Я жду!

– Герман! – тщетно стараясь перекрыть усилившийся ветер, – Я же вернулась!

Новый порыв ветра бросает горсть украшений и золотых монет между нами, на узкие ботинки Германа, и с силой толкает меня в его объятия.

Герман невозмутимо смотрит в окно за моим плечом. Сильный вибрирующий гул перекрывает шум ветра.

– Это идёт цунами, детка. Аннигиляция началась! Через десять минут мощный смерч опрокинет этот мир, – он крепко прижимает меня к себе. И тут же отталкивает прочь, – где вертолёт?! Бегом, слышишь!

– Нет, нет, не-е-ет!

– Бегом, я сказал! Сразу включай обратный отсчёт, когда запустишь винт. А то не успеешь проскочить назад. Это срочная аннигиляция, Гел!

Перегрин уже над куполом Тадж-Махала, всё выше! Ветер такой сильный, что я серьёзно опасаясь за целостность винта. Когда одна минута обратного отсчёта завершится меня выбросят из этого мира, как пробку из бутылки шампанского!

А пока что я смотрю вниз, где в самой середине гигантского смерча танцует тень самого Демиурга – Лорд Вишну – под мелодию золотой флейты, слышную лишь ему одному. Это тоже классический сюжет – танец созидания и разрушения в единый момент времени. Но слезы почему-то застыли на глазах. Страж так похож на Германа, мужчину, которого я пыталась любить всеми силами души... И у меня ничего не получилось.

Лучше включить автопилот. В последние секунды обратного отсчёта смерч рассыпается алмазной пылью посреди Великого Ничто. И остаётся только чечевичное зерно...

Геликоптер снова в небе Лондона. Несанкционированный полет. Нужно скорее обратиться к радарам.

Вертолётная площадка на крыше виллы Джелато к моим услугам. Наконец-то дома. Ночь.

На негнущихся от напряжения ногах спускаюсь по винтовой лестнице. Герман в красном домашнем халате смотрит на меня, снизу-вверх, запрокинув голову.

– Я так понимаю, ты сыта?! Сегодня давали «Дона Джованни»! Вечно ты опаздываешь!

Я рассеянно машу рукой:

– Сыта! По горло... Шёл бы в Оперу один! – добраться бы до кровати, это для меня сейчас задача максимум. Хорошо, что завтра суббота – на работу не идти, а сейчас в душ и спать!

Через четверть часа, покачиваясь, выхожу из ванны. В спальне абсолютно темно.

Босая нога наступает на что-то круглое и твёрдое. Массаракш! Да это же жемчужина! Ещё одна, ещё... вот ещё одна покатила от окна к двери... и опять! Глаза привыкли к темноте.

Герман стоит у окна, распахнутого в ночной сад. Слышно, как очередная слеза, ставшая очередной жемчужиной, падает на пол и катится по паркету...

Я обнимаю его, прижимаясь щекой к непривычно синей коже предплечья:

– Мой Лорд Вишну! Я говорила тебе, что будет как в случае с Драконом! Не плачь! Всё хорошо, – я вспоминаю сколько жемчуга было перевито вокруг стана Стража. А я и не догадалась, что это слёзы. Думала, для красоты.

– Я так люблю тебя, darling!

– Правда? – очередная жемчужина катится по полу.

– Хочешь, я тебе поиграю?

И, не дожидаясь ответа, он подносит к губам золотую флейту.

P. S.

– Посмотри на себя! – недовольно ворчит Алик, когда мы на следующий день гуляем в парке, как всегда, держась за руки, – посмотри, на кого ты похожа?! Такая нервная. Синяки под глазами. Я не хочу, чтобы ты работала!

– А мне интересно работать! Дома сидеть скучно!

– Но посылать мою девочку одну на закрытие проекта?! Он, как, вообще? Избавиться хочет от тебя, что ли? Вот я с ним поговорю!

– Не надо... пожалуйста! Просто Герман хотел поговорить со мной – о Любви.

– Он будет о любви разговаривать, а я потом отпаивать тебя газировкой и кормить мороженым каждые выходные!

– И катать на карусели с лошадками! Обязательно.

– Ладно, пойдём! А то она ещё закроется!

2019–2021 год

Волшебная флейта 2 Глаз бури

- Алло, Алик! Не знаешь где твой брат?
– Мы же с тобой только что расстались! Откуда мне знать?
– Дома нет! В институте два дня уже нет. И там сильные перебои с энергоснабжением! Вся аппаратура виснет! ЧП! А его найти не могут.
– Странно. А по ощущениям? Ты искала его... мысленно? Отвечает хоть как-то?
– Когда я с тобой – я всегда закрываюсь от него, но при желании достучаться можно, он не звонил. По ощущениям... его вообще нигде нет, Аполло. Нигде, ничего... как-будто никогда и не было... такое впервые! Что мне делать?! Что делать?
– Подожди, не реви! Дай подумать, – Ал затягивается сигаретой, потом чуть слышно вздыхает, выпуская дым, – Когда ты закрыла Восточный проект, там не осталось чего-то незавершённого? Проблема выбора была?
– Вроде нет, – мне стыдно сказать Аполло что... что я хотела поцеловать Лорда Вишну, когда он назвал меня своей Лакшми. Но, он был так прекрасен, что я не решилась.
– А если сказать правду, Ирис?
– Ладно, ладно... мне кажется, я должна была поцеловать Стража, ведь он думал, что я его Лакшми, и он снова тогда играл на флейте, как при самом сотворении того мира... – и тут до меня медленно, но доходит, что был возможен перезапуск всей системы, – ему же не хватало любви!
– Ну вот, ты и пришла к нему. Во все миры Герман всегда ставит паролем имя своей жены, даже я об этом знаю, – тихо говорит Рыжий.
– Да, но... Я-то думала, потому что это удобно – слово, которое никогда не забыть! А это же основная составляющая творения – Любовь. Лакшми – это же воплощение творческой энергии самого Вишну. Какая же я дура!
– Гел, соберись! Мне кажется, случилось что-то неприятное. И я тебе здесь не помощник. Как хочешь, а придётся возвращаться назад... Сдаётся мне.
– Молчи! Я поняла где ошиблась!
Вращать лопасти колеса судьбы в обратном направлении очень сложно! Но возможно!
И, когда вертолёт садится на покрывшуюся трещинами вертолётную площадку летающего острова, я совсем не уверена, успею ли вовремя!

Вибрации, такие мощные, проходят меня насквозь.

Так трагично гудит колокол этого мира перед распадом! Каждая часть его, каждая молекула входит в диссонанс с другими, разрывая ткань бытия.

Внутри воронки гул достигает своего апогея.

Каждая новая звуковая волна обещает стать последней. И я слышу их явственнее ударов собственного сердца.

Только бы добежать до сокровищницы, находящейся в главном куполе этого Тадж-Махала.

Только бы заглянуть в тёмные глаза Демиурга! И спросить:

– Герман, что же ты делаешь, а?!

Его длинные волосы треплет последний ветер.

Невозмутимое лицо высокого мужчины в костюме стального цвета повернуто к стрельчатому окну, до которого уже долетает солёная пена гигантских волн.

Поскользнувшись на рассыпанных по полу драгоценностях, я наконец подбегаю и обнимаю его со спины.

– Дорогой! – с облегчением выдыхаю, притиснувшись лбом между острых лопаток. Этот жест – наш секретный код: всё хорошо, потому что мы вместе.

Но Герман резко поворачивает меня лицом к себе:

– Зачем ты вернулась?! Зачем? Я сказал – уходи! Это конец. Ты сама набрала Finis Mundi.

В этот момент первая волна цунами, наконец, обрушивается на наш летающий остров, мы цепляемся друг за друга, чтобы не упасть.

– Значит, Прекрасного Запада и Лучезарного Востока больше нет. Остался только центр силы этого мира – сам дворец. И он не устоит. Бывает так, что любовь творит чудеса. Один шанс на миллион – один раз послушаться своего сердца! Один поцелуй...

– Но, значит, не в нашем случае. Я же говорил тебе – без любви всё не имеет смысла!

– Ты обманул меня, заставив закрыть проект, где Демиург ты сам, а не твоя тень! О, Лорд Вишну, Создатель миров! Это жестоко!

– Я ждал тебя, Лакшми, и дал шанс всё исправить. Но ты не поняла, не почувствовала! И не воспользовалась им... вот это жестоко! Впрочем, теперь всё равно!

Бросить Институт и меня на произвол судьбы?!

Заставить меня лично запустить его аннигиляцию?!

А о Лисёнке он вообще не подумал?!

Злость на мужа переборола страх.

Я с тобой ещё дома поговорю серьёзно, Маугли!

Вот только выбраться бы из этой западни! Я не собираюсь так просто сдаваться! Не будь я Ирис, Богиня Радуги! Остановить процесс полностью, конечно, не смогу. Но на то, чтобы затормозить его у меня силы хватит. И, заключив купол сокровищницы в сияющий всем спектром энергетический кокон, я обращаюсь к Герману:

– Не время выяснять отношения, детка! Мы погибнем. Аннигиляция прошла вторую фазу. Остались минуты! Сделай что-нибудь! – я с надеждой смотрю в бесстрастное бледное лицо. – Играй на своей флейте, Вишну! Ты, создающий и разрушающий миры в единый миг! Используй энергию разрушения старого для созидания нового!

– Не хочу, baby!.. – Герман равнодушно смотрит на радужные полосы, заполнившие мир за окном, – я не вижу смысла крутить Колесо Судьбы дальше. Баста. Силы мои уже начинают таять.

И, когда вторая волна цунами обрушивается на руины дворца, розовый перламутр купола идёт угрожающими трещинами.

Какой упрямый! Он нас погубит.

Нет, не то!

Он сам погибнет! Я так люблю его! И начинаю трясти его за рукав, плача и путая имена его аватаров от злости и отчаяния.

– Танцуй, мой Шива, танцуй! Ты должен! – собственный истеричный крик испугал даже меня, – Играй на золотой флейте. Играй же!

– Но я не могу: Нет основы! Нет точки отсчёта! Нет даже чечевичного зерна! – разводит руками Герман. Но по всему видно, что он решил окончательно.

– Смотри, сколько драгоценностей рассыпано под ногами, – я зачерпываю пригоршню камней и подношу к его лицу, – бери любую и начинай!

– Создать мир можно лишь из чего-то живого и настоящего! В нем как в зерне сразу должно быть заложено и начало, и конец. Здесь ничего нет... кроме нас. И мне жаль, что мы сейчас вместе... жаль тебя.

Значит, очередной приступ мрачного упрямства, уговорами мне не преодолеть.

И очень скоро алмазную пыль наших сущностей развеет ветер, а потом мы пройдемся под руку по асфоделиевым полям в сторону причала с одной единственной лодкой.

И Харон на этот раз не поприветствует нас, как обычно: Гермес! Ирис! Как дела на Олимпе? Он потребует денег. За перевоз.

– Любовь моя! Если наше время истекло – что ж! Как считаешь нужным! Только позволь мне обнять тебя в последний раз, чтобы сесть в лодку Харона вместе. Прости меня. Я знаю, что это трудно, почти невозможно! Прошу! Один поцелуй. Я пришла за ним. Ты не можешь мне в этом отказать!

Когда я смотрю в его бесконечно красивое лицо, кажется, что сияют звезды над его головой. Хотя за спиной лишь разрушающийся шатёр купола.

Какие добрые глаза! Я даже не помню, чтобы на меня так кто-нибудь когда-нибудь смотрел...

Он берет моё лицо в тёплые ладони, наклоняет ко мне голову... Кажется, я опускаю лицо в цветущий розовый куст! Нет, это одна Роза. Она вокруг меня, во мне, её благоухающие пульсирующие лепестки заполнили пространство вселенной.

Энергия древней крови расходится от неё водоворотом. Колебания набегают на берег моего сознания, возвращаясь назад с неумолимостью океанских волн.

Единение с ним – это такое счастье, что больше ничего не имеет значения. Даже если этот мир рухнет и его двойные луны рассыплются над морем огненным дождём! Лишь бы видеть своё отражение в тёмных, как ночь, зрачках...

Но даже самый длинный поцелуй не может быть вечным.

– Ну, не реви, Гел! Видит Бог, я не хотел, чтобы ты была здесь, – говорит он, смягчившись.

Нежный палец проводит по моей мокрой от слез щеке.

– О, кажется, придумал! – Герман выгибает тёмную бровь.

Крупная слеза лежит каплей на подушечке его пальца. И он тут же отправляет её в рот.

– Ага, проверим состав: 10 % отчаяния, 15 % злости, 25 % жалости и 50 % любви! – со смехом изрекает он, – подойдёт! Живая слеза живой женщины – целый мир – с ней можно поработать. Давай-ка ещё одну!

В этот момент третья волна накатывает на наше хрупкое убежище, разрывая радужный кокон и разламывая купол над нами на части, как яичную скорлупу... но Лорд Вишну уже начал свою трансформацию, закручивая эту последнюю волну смерчем вокруг себя.

Теперь его уже не остановить.

И вот сам Демииург стоит неподвижно посреди воронки смерча, готовясь начать новый виток вечного акта творения – ещё одного танца в самом центре циклона.

Это Глаз Бури, неизменная константа среди бушующего хаоса!

Ведь Точка равновесия, необходимая для создания il mondo, находится в самом сердце Сотворяющего мир.

Его прекрасное лицо бесстрастно. Синяя кожа кажется ещё темнее от сияющего золота украшений. Глаза полузакрыты.

Одна пара рук подносит к губам золотую флейту, другая бережно поднимает вверх цветок лотоса, в чаше которого покоится слеза женщины, любившей его.

Я вижу подобное впервые, обычно мне показывают уже сам результат.

Но понимаю, что мне несдобровать.

– Эй, эй!!! Герман! А я?! Ты будешь танцевать посреди Великого Ничто! А что станет со мной?!

Он сразу открывает глаза. Зрачки цвета расплавленного золота на синем лице изумлённо расширяются:

– Я и не подумал, детка! О, конечно! – титаническая фигура наклоняется ко мне, протягивая ладонь, – иди сюда! Я посажу тебя за золотой обруч своего венца! Встань радужным ореолом вокруг моего чела, озари мою ночь своей любовью, Лакшми! Мне пора начинать!

Дыхание флейтиста рождает первые звуки... его движения плавны и размеренны. Первые такты танца совпадают с вращением кругов смерча, постепенно выстраиваясь в собственном ритме, задаваемом Лордом.

Мелодия творения нежна и непредсказуема, как соловьиная трель.

Музыка, возникшая среди хаоса и из хаоса, упорядочивает химические элементы нового мира, заставляет их звучать единой гармонией, подобно нотам мантры.

И когда прелестная планета, идеально ровная, чуть приплюснутая с полюсов, подобно жемчужине, наконец покрывается нежным флёром атмосферы, я позволяю себе выдохнуть и расслабиться, забившись за золотой венец Лорда Вишну. Все идёт по плану.

Теперь волноваться не о чем.

Хоры ангелов поют в моем сердце «Аллилуйя»! Слава Всевышнему, теперь всё позади и мы можем вернуться домой!

А Вишну играет всё быстрее и быстрее, увлечённый любимым делом. Пока наконец концентрические круги магической мелодии не замыкаются сами на себя в неимоверно быстром ритме творения.

– Никакой технологической цивилизации, никакого сложного оружия. Золотой век без конца, – слышу я обрывки мыслей Демиурга, – полное слияние разума с природой, погружение в себя... отсутствие верховной власти... постоянная медитация... утончённая простота религии... это ввод основных параметров для вершины местной эволюции.

Пускай этот мир и не совсем настоящий, но с разумными существами.

Как только Герман собирается просчитывать все его риски в уме и без институтского компьютера – для меня секрет!

И, засыпая под циклическую мелодию флейты, уже в тумане полусна прикасаясь к краю его сознания, я слышу, как серебристый звук льющейся воды смешивается со словами заклинаний, заполняя собой всё свободное пространство...

Бесконечные поля закатных облаков над идеально ровной гладью океана... самое прекрасное зрелище, виденное мной.

Я смотрю вниз, перегнувшись через балюстраду мозаичной веранды Тадж-Махала.

Одурачивающий запах благовоний и аромат плетистых роз до отказа заполняет лёгкие на каждом вдохе.

Под нами Планета-Океан, водное пространство без материков. А какой ещё мир можно получить из слезы?!

Лишь наш остров парит высоко над натянутым шёлком вод, да стаи летучих рыб то и дело сверкают в воздухе, полном безмятежно льющимся звуком воды.

– Нравится, бейби? – улыбка Лорда Вишну вновь восходит надо мной, подобно молодому месяцу.

«Да, нравится снова видеть тебя весёлым и живым», – хочу сказать я. Но вместо этого:

– Конечно! It's a miracle! Покой и умиротворение пейзажа говорит о том, что всё получилось?

– Конечно, а разве могло быть иначе?! Но нам здесь больше нет места, детка! Да и Дворцу тоже...

– А Страж?

– У них не будет Стража... И отдельного божества... Тем, над кем властен лишь Всевышний уже не нужен Страж.

– Так это система высшего уровня?! Невероятно! Кто же населяет этот мир? Разумный вид, надеюсь, человекообразен?

– Русалки и Тритоны. Ты же знаешь, что в полевых условиях можно досконально воспроизвести лишь то, что хорошо знаешь и любишь! Ведь это же твоя слеза, Ирис!

– Bravo! Мне понравилось! Ты думал обо мне, дорогой... Ты устал?

– Самую малость! Но настроение очень улучшилось! – Герман улыбается шире, отчего на его щеках отчётливо проступают симметричные ямочки. – Надо возвращаться.

– Дома без нас уже, наверное, всё разваливается... Но восстановленный Дворец жаль... ты так старался, милый!

– Ну, я подумал об этом. Возьму его с собой и сделаю нашей основной резиденцией.

– Слишком велик! Перемещать такую махину не хватит сил!

– Решено! – упрямо говорит Герман, – И я в отличной форме, Ирис! Думаю, тебе в этот момент лучше держаться за мою руку!

Перемещение заняло мало времени, но отняло много сил! До обморока.

С трудом придя в себя, я пытаюсь осознать, где я, и что со мной? Голова просто раскалывается!

Я лежу на животе, распластавшись по нещадно сверкающей на солнце смальте веранды.

Снизу мне холодно, сверху жарко и тяжело!

Мозаика пола прохладна, а Герман, придавивший меня сверху, как всегда тяжёлый... и горячий... значит, жив.

Эта новость придаёт сил. Я с трудом выбираюсь из-под него, и ощутимо толкаю мужа в бок.

Герман открывает сначала один глаз, пытаюсь осознать реальность, потом второй.

– Ну и похмелье, – говорит он, с трудом садясь и потирая затылок, – У меня был День Рождения, что ли? Где мы так надрались?! А?

– Ты не поверишь если расскажу, бейби! – говорю я, с пристрастием оглядывая своё сокровище. Всё в порядке. Вроде бы цел!

– А вот костюм непоправимо испорчен, – подвожу итог своим самым ворчливым тоном, пытаюсь хоть как-то обозначить недовольство.

– Зато твой подарок уцелел! – говорит Герман, поглаживая золотую розу на разорванном лацкане пиджака.

– Обидно было бы потерять её. Ты путаешь, дорогой. Это подарок Аполло.

– Так я к нему и обращаюсь, женщина!

– Дети мои! Вы целы! Как я рад! Очень волновался.

Медленно поднимая голову, я вижу высокие сандалии на безупречных ногах, потом вышитую меандром голубую тунику, лиру-фибулу с сапфиром, и, наконец, водопад золотых кудрей, среди которого сияет кроткой улыбкой лик Аполло.

От его присутствия в сердце распускаются белые лилии, а в животе начинает порхать такая большая стая жёлтых бабочек, что если выпустить их наружу, боюсь, трепет крыльев заполнит всю веранду.

– Что? Откуда ты узнал? – как можно спокойнее спрашиваю я, но краска предательски заливает лицо под открытым взглядом голубых глаз.

– Столько шума и дыма! Ваше прибытие трудно было пропустить... – Алик протягивает Герману руку, помогая встать, – и левитирующий остров с восточным дворцом, с висячими садами я раньше что-то не встречал вблизи Олимпа. В ближайшее время кто-нибудь обязательно захочет рассмотреть диковину поближе. А ты не в форме, брат. Так что, я побуду с вами. Пока не восстановитесь. Как насчёт экскурсии по дворцу?

Теперь Ал поднимает и меня.

– Разве что завтра, бейби! – хрипло выговаривает Герман, сильно опираясь на плечо Аполло. Я повисаю на нем с другой стороны, – тебе не тяжело?

– Своя ноша не тянет, – невозмутимо изрекает Ал, – И где тут спальня? И ещё, хотел вам сказать – чтобы такие фокусы были в последний раз!

Михаил Афонин

Сувенир для бабушки

Признаться честно, летать я не люблю. Самолёты вызывают во мне не то чтобы какой-то первобытный страх, но чувство тревоги – однозначно. Сидишь, такой, в алюминиевой коробке на высоте десять тысяч метров и веришь, что у пилота всё получится. Разве это нормально? Только не надо мне тут про статистику катастроф. Всё это я знаю, слышал и читал. Мол, на самом деле, воздушный транспорт, считай, не падает. Типа, корабли тонут чаще, а поезда сходят с рельсов вообще чуть ли не ежечасно. Договорились?

Но не подумайте, пользоваться воздушным транспортом мне приходилось не единожды. Однако каждый раз возникает такое чувство, что «этот раз – последний». Все эти турбулентности и грозные фронты... Бр-р!

Когда мне предложили полететь в Египет, я и не намеревался соглашаться. Лучше, думаю, как обычно, поездом в Крым. Крым люблю с детства. Как говорится, впитал с молоком матери. Но сказать твёрдое «нет» не получилось. Наверное, жадность, в жестокой и кровопролитной борьбе со здравым смыслом, поборола мой инстинкт самосохранения – стоимость тура оказалась слишком уж привлекательной. За такие деньги я в Крыму и недели не отдохну, а тут – десять дней за границей. Я согласился.

Побороть свои страхи – задача не из простых, но я и не думал искать какие-то особенные пути. Что делают люди, когда боятся летать? Правильно! Вот и я решил воспользоваться опытом сотен тысяч воздушных путешественников. Вы же не думали, что на всей планете полётов боюсь я один?

Регистрация, самолёт, спасительное «лекарство», купленное, как вы, наверное, уже поняли, не в скромной аптеке, а в ярком дьюти-фри. А что? – «принять на грудь» – самый испытанный и популярный способ борьбы с моей фобией.

После изрядного количества залитой внутрь «микстуры» уснуть не получилось. Знаете, наоборот, возникло желание, как говорил обаятельный мужчина в полном расцвете сил по фамилии Карлсон, пошалить. Я стал глазами, конечно, искать над кем бы подшутить или с кем бы, в крайнем случае, просто поговорить и прикончить остатки чудодейственного сорокаградусного снадобья из беспопытного магазина. Это я так о моём виски, если не поняли.

Внимание привлекли трое, сидевшие с такими серьёзными лицами, что аж смешно. Больше таких грустных пассажиров в самолёте не имелось. Многие, как и я, занимавшиеся «самолечением», уже спали, некоторые продолжали свои почти медицинские процедуры, только не эта троица. Выглядели они, как мне тогда показалось, весьма комично.

Только я собрался пойти к ним и развеселить (мне казалось, они только этого и ждут), как симпатичная дама примерно моего возраста, сидевшая рядом, наконец мной заинтересовалась.

– Это настоящий, не подделка? – спросила дама. Смотрела она не на меня, какой я добрый молодец, а как вы уже догадались, на виски.

– А вы попробуйте, – всё поняв «с одной ноты», тут же вступил в игру я.

– Я Света.

– А я Макар. Телят никуда не гонял, – я расплылся в улыбке от своей дежурной шутки. Да, если что, имя настоящее.

Долетели мы нормально, время пролетело незаметно. После того, как виски приказал долго жить, я поспал у дамы на плече, потом – она на моём. После приземления мы с ней

обменялись адресами отелей, зная, что никогда больше не увидимся. Случайные попутчики. Для чего всё усложнять?

На выходе из аэропорта я увидел, почему скучная троица в салоне самолёта была такой грустной. Мне стало стыдно. Они сопровождали так называемый груз 200. Попросту говоря, гроб.

Хорошо всё-таки, что Света оказалась такой разговорчивой и подвернулась невероятно вовремя.

Далее – пирамиды, экскурсии и прочие радости египетского отдыха. Кстати, со Светой я всё-таки пару раз встречался. Как-то само собой сложилось – такая вот она – курортная жизнь.

На последний день моего отдыха у меня была запланирована экскурсия в монастырь Макария Великого. Это действующая обитель и про неё мне в детстве часто рассказывала бабуля. Наверное, вас интересует, есть ли связь между моим именем, Макар, и этим Макарием?

Есть, и самая прямая. Так назвала меня бабушка, почитавшая Макария Великого больше остальных. Она к месту и не к месту повторяла истории о его чудесах, как она выражалась, о житии. Однажды Макарий, чтоб вы знали, даже воскресил мёртвого, чтобы доказать какому-то язычнику, что подобное возможно.

В монастыре я встретил... Нет, не Свету. Помните ту скучную троицу из самолёта? Вот их. Они о чём-то спорили с монахами. Те, в ответ, чего я совсем не ожидал, активно жестикулировали и почти кричали. Я прислушался, понял, что «трое грустных», просили разрешения остаться в монастыре ещё на пару недель. Монахи возражали. Говорили на английском, но я «инглишем» владею прилично. Изучал, так сказать, углублённо.

Тут вышел ещё один монах, скрюченный такой. В руке – чётки. Остальные перед ним расступились – главный, наверное. За ним вывезли тот самый груз 200, который я видел ранее. Интересно, трое повезут его обратно, в Россию?

– О том, что вы просите, не может быть и речи! – абсолютно не сдерживаясь выкрикнул «скрюченный» и взмахнул чётками. Те зацепились за гроб и порвались.

Монахи тут же бросились собирать рассыпавшиеся бусины. Одна из них докатилась аж до моей ноги, а я тут же на неё наступил, чтобы не отобрали. Подумал, вот и будет сувенир для бабушки. На могилку ей отвезу эту штучковину из монастыря Макария, которого она так почитала. Монахи отвернулись, я бусину поднял, но разглядеть не успел.

Два монаха меня схватили и завернули за спину руки с таким проворством, что куда там тому ОМОНу.

– Отдай! – рявкнул мне в ухо один из моих мучителей.

– Кого? – я включил дурака.

– Сам знаешь! – снова рявкнул монашеский «омоновец».

– Отпустите его, – это подошёл «скрюченный».

Меня сразу «отпустили», из-за чего я тут же упал лицом в пыль. «Омоновцы» подобострастно склонили головы перед начальством, а я воспользовался моментом. Как? Бусину взял, да и проглотил. Вот такую пыльную, грязную и некрасивую. Отдавать её после всего этого не хотелось аж ни капельки.

Меня профессионально обыскали, ничего не нашли, что вполне логично, и отпустили.

Ночью мне снилась моя бабушка. Неудивительно после посещения монастыря. Он в моём сознании, как сказал бы доктор Фрейд, неразрывно с ней связан. Бабушка говорила, что теперь моя жизнь изменится.

Света тоже снилась (она-то к чему?). Правда, ничего не говорила, просто показывала на меня пальцем и смеялась.

Назад я летел с той же грустной троицей. Они сидели прямо передо мной. Светы не было, поэтому после «лекарства» я стал к ним приставать.

– Вы за воскрешением приехали? – «шутил» я со скучными попутчиками. – Я видел, как вас выгоняли, аж чётки порвались.

После этого я удостоился оценивающего взгляда одного из троих.

– Одна бусина у меня. Я её проглотил. Могу отдать, если хотите. Вот, выйдет естественным путём – сразу забирайте. Надо?

Я говорил ещё что-то, но потом устал... И от их кислых мин тоже.

Ко мне подсел незнакомый мужчина.

– Я водитель. Дальнойбой, – начал он без предисловий.

Он рассказал, что его дочка, Дашенька, серьёзно болеет. Деньги на лечение собирали всем миром. Сумма, на мой взгляд, огромная. Не должно лечение детей столько стоить.

Но вылечить девочку не получилось.

Напарник дальнойбойщика, около месяца назад, 2 февраля, его убил, а деньги присвоил. Дашенька умерла.

Я проснулся в холодном поту. Что я всё ещё в самолёте, понял не сразу. Уснул, получается? В голове пока прояснилось не совсем, но складывать два и два у меня всегда получалось на отлично.

– Эй, кто-нибудь, – я обратился к скучным. – Это дальнойбойщик у вас в гробу? Я всё знаю.

Пока эти трое переговаривались между собой, я продолжил.

– Напарник его убил, чтобы деньги на лечение Дашеньки присвоить. Произошло это второго февраля. Время не знаю, дальнойбойщик ваш не сказал.

Вообще, не понимаю, для чего я это всё сразу разболтал. Как будто чувствовал, что должен.

Самолёт приземлился, но домой я не попал. Только сошёл с трапа, как меня подхватили под белы ручки и почти вежливо посадили в большой чёрный автомобиль, стоявший на взлётно-посадочной. И кто разрешил тут парковаться?

– Говоришь, бусину проглотил, – уже в кабинете, куда меня привезли, спрашивал один из «скучных». – Проверим.

Мне делали рентген, потом ещё, потом – снова, потом положили в какой-то аппарат, обследовали в нём.

– Эй! Что вы творите?! Я светиться от всей этой радиации не начну? – я пытался получить хоть какие-то ответы, но «скучные», их тут было намного больше, молчали.

Переночевал я не в камере, конечно, а в кабинете, за закрытыми дверями которого сидела охрана. Откуда знаю? Время от времени они ко мне заходили будить. Спрашивали, не приснилось ли чего интересного.

Утром меня отвезли в морг. Там заставили смотреть на какой-то труп, затем – дали стакан воды и таблетку.

– Снотворное. Пей, поспишь прямо тут, в прозекторской. Кто этого, – мой сопровождающий, ещё один из «скучной тройки», махнул на уже закрытого простынёй покойника, – убил – нам расскажешь.

– А если не расскажу? Не смогу, например?

– Расскажешь, – «скучный» похлопал меня по плечу и мне стало страшно, – сможешь.

Мы в тебя верим.

Я лёг спать среди покойников, но думал совсем не о них. Меня интересовало, куда девалась бусина? Растворилась она, что ли?

Чуть позже я рассказал «скучным», что во сне увидел того, кто им нужен. Описал его – рост, вес, одежду.

Меня поблагодарили и сделали, говоря цитатой из «Крёстного отца», предложение, от которого нельзя отказаться.

– Теперь слушать мёртвых – твоя работа. Согласен? – «скучные» снова были втроём, говорил старший из них.

– А если не соглашусь? Убьёте?

– Будешь жить. Но нормально, как привык, всё равно уже не получится, – неопределённо ответил тот же из троицы.

Я согласился. А что мне ещё оставалось? Посмотрим, куда приведёт меня «терра неизведанная», загадочный мир сновидений.

Юлия Бадалян

Город забытых богов

Город был чистым и аккуратным. Безупречно спланированным и чётким в линиях. Идеальным. Казалось, населён он не живыми людьми, а роботами: настолько отлаженно и надёжно работали все его службы. Горожане не отставали, и на безукоризненно чистых улицах невозможно было ни встретить пьяного хулигана, ни найти обёртку от мороженого. Выбеленный камень был ровно уложен в величественные здания и широкие дороги, а тенистые парки, бурная река и шумящее на восточной окраине море дополняли идиллическую картину.

Утро в небольшом агентстве недвижимости началось рано.

– Я бы хотел подобрать особняк в городе, – немного смущаясь, сообщил чуть бледный утончённый синеглазый юноша, почтительно поздоровавшись с хозяйкой и сняв кашемировое пальто цвета голубиноного крыла, – и переехать как можно скорее. Это возможно?

– Конечно, возможно. Район? Площадь? Пожелания к виду из окна? Меблировка? – поинтересовалась хозяйка – дама средних лет в строгом деловом костюме, с аккуратно уложенными каштановыми волосами и неожиданно тёплым взглядом. – Ты долго продержался, – добавила она сочувственно.

– Природный оптимизм, – пояснил клиент, – но за это время и он истощился. К тому же больше меня ничего там не держит, – по красивому лицу пробежала горестная тень. – Что же касается требований... – он уставился на огонь в роскошно отделанном камине позади собеседницы и после паузы продолжил: – Пожалуй, подальше от набережной. Не хочу больше видеть воду. Не меньше трёх этажей, с мебелью. И лучше с садом.

– Как обычно, – дама улыбнулась уголками губ, – конечно, у нас есть варианты, которые могут тебе подойти. Но перед началом работы необходимо...

– Знаю, знаю, – перебил её юноша, – я уже получил Его разрешение.

– Брат никогда не откажет, – кивнула она, – тем не менее, порядок есть порядок. Вот договор, – на полированный дубовый стол лёг лист бумаги, – чистая формальность, но тётка требует соблюдения процедуры.

– Конечно, конечно, – в изящных пальцах появилась тонкая серебряная ручка, – когда я смогу посмотреть объекты?

– Завтра утром. Приходи в это же время, тебя проводят.

– Благодарю, Дева.

* * *

– Девочка, тебе помочь?

Карие глаза под кудрявой чёлкой смотрели сочувственно, крылышки на светлой соломенной шляпе нервно трепетали. Она всхлипнула и с трудом поднялась.

– Я шла много дней, – пожаловалась девушка, опираясь на предложенную добрым прохожим руку, – людей пришлось избегать. Эту ночь ночевала в пещере, очень холодно и страшно!

– Что же ты так припозднилась? – укорил её молодой человек. – Я же всех предупредил о переселении, всех звал.

– Дура была... Надеялась, что я далеко, и меня перемены не коснутся... И жалко было всё бросать, поэтому терпела, сколько могла.

– Долго же ты терпела, – усмехнулся собеседник.

– Пока они не пришли. Мне едва удалось убежать, я даже не попрощалась... – она всхлипнула и не договорила. – И что мне теперь здесь делать?

– А что тебе делать там? Уже ничего не поправишь, наше место занято. Ждать конца? В городе мы можем спокойно жить. Конечно, не так, как раньше, но весьма неплохо – ты поймёшь, когда осмотришься.

– Не так, как раньше? – переспросила она. – Вода поддерживала мои силы всё это время, а здесь?

– Великолепно, – он успокаивающе улыбнулся, – брату удалось перенести сюда омфал¹, и этого оказалось вполне достаточно для нормальной жизни. Как видишь, я ничуть не изменился. Конечно, это и потому, что мы живём здесь скромно и уединённо, ни во что не вмешиваемся, экономим силы. Многим тяжело было это принять, но в конце концов все смирились – другого выхода у нас не было. И ты не волнуйся, всё наладится. Сначала обязательно покажись на глаза отцу, он, как мэр города, должен дать своё дозволение. Потом подберёшь себе жильё, у тётки прекрасное агентство. Найдёшь себе дело по душе. Кстати, приглашаю: лучшее учебное заведение в городе – моё, – он горделиво выпрямился и непринуждённым жестом перебросил из одной руки в другую свою обвитую бронзовыми змеями трость красного дерева, – если мой лучезарный брат или многомудрая сестрица будут утверждать обратное – не верь!

* * *

Городской технический университет действительно был образцовым учебным заведением. Начиная с великолепного здания в стиле классицизм, возвышающегося над нарядной набережной, и заканчивая безупречно работающими механизмами, сконструированными его выпускниками – самодвижущимися повозками, поездами, дирижаблями и каминными часами. Но и Консерватория не отставала – изящная, из белого мрамора, с ионическими колоннами и золотыми узорами на фасаде, подарившая городу талантливых музыкантов, дирижёров и певцов. Конечно, при ней имелся и концертный зал – камерный, уютный, с прекрасной акустикой.

Именно в него заглянула новая жительница города, покончив с обязательными формальностями. Довольно оглядев себя в огромном зеркале в фойе (с нарядом ей помогла добросердечная хозяйка агентства недвижимости), она прошла в зрительный зал. А устроившись в бархатном кресле с резными подлокотниками, взглянула по сторонам и обомлела: это был он! Преспокойно сидит в переднем ряду, одетый с иголки и аккуратно причёсанный. Впрочем, он уже не спокоен: увидел её, вскочил.

– Это ты! Ты жива! – обычно звонкий голос вдруг стал сиплым. – Я обыскал всю Аркадию, нашёл только твою фибулу, – молодой человек непроизвольно потянулся к карману смокинга, – и обрывки одежды...

– Я пряталась, потихоньку дошла сюда. Как я жалею, что не сделала этого раньше!

– Но ты же не хотела, помнишь, как ты спорила со мной! Мы могли пойти вместе! – он бросил на неё обиженный взгляд.

– Наверное... Мне как-то не пришло в голову, – смутилась она. – Я была так напугана, что не стала возвращаться.

– Вы не могли бы потише? – к ним обернулся всклокоченный длиннородый мужчина с нарядно украшенными рогами. – Сейчас будет мой любимый концерт для флейты с оркестром, а вы здесь мелодраму устроили, – чёрные глаза насмешливо блеснули.

– Мои извинения, мы уже уходим, – молодой человек поднялся, протянул руку и ожидающе взглянул на неё.

¹ Омфал – «Пуп земли». Камень, хранившийся в Дельфах в храме Аполлона. В древнегреческой мифологии – центр мироздания.

* * *

Уже через неделю речной бог Эриманф и нимфа Миртоесса въехали в уютный особняк из бледно-голубого мрамора. Факел на их свадьбе несла Гестия, сменившая строгий деловой костюм на праздничные, расшитые самоцветами одежды. На грандиозную вечеринку по случаю новоселья и бракосочетания пришёл и Гермес, по старой памяти опекающий Миртоессу, и друзья пары: океаниды, дриады, наяды, речные боги.

В тенистом саду удобно устроились за кованым столиком начальник Военной академии Афина и преподаватели Технического университета Гефест и Урания. Судя по их оживлённому спору и покрасневшимся лицам, город вскоре ждала реформа образования.

Не расстающийся с любимой флейтой Пан, перебрав с напитками, так утомил Аполлона, что тот, наплевав на статус ректора Консерватории, согласился состязаться с ним в музыкальном искусстве, призвав в свидетели своих преподавателей – Эвтерпу, Полигимнию и Терпсихору. Музы не удержались и, вместо того, чтобы следить за ходом судейства, присоединились к спорщикам. В результате гости насладились сначала зажигательным концертом, а вскоре и бодрым кулачным поединком Аполлона и его козлоногого племянника². Впрочем, наслаждались не все: главный врач клинического госпиталя Асклепий озабоченно наблюдал за происходящим, готовый оказывать бойцам медицинскую помощь, а председатель городского суда Фемида не знала, как отделаться от Афродиты, которая получила иск одной из клиенток к своему салону красоты, и, перекрикивая шум, требовала немедленной юридической консультации.

А под конец праздник почтил своим присутствием Зевс Кронион – мэр города, которого не найдёшь ни на одной карте.

Москва, сентябрь-октябрь 2021 г.

² В древнегреческой мифологии пастуший бог Пан – сын Гермеса, брата Аполлона по отцу.

Память о Селении

Селения постепенно пробуждалась ото сна. Небо засветилось бледно-голубым светом. Огромное, леденяще белое светило будто ворочалось меж облаков, устраиваясь поудобнее. Искрящиеся в его лучах ветви чуть слышно позванивали, приветствуя новый день нежной мелодией. Они могли показаться ледяными, но на Селении не было холодно. Прозрачные листы, казалось, вырезаны из чистейшего кристалла неведомым мастером. На небе серебрились тысячи нитей, окутывающих его чудесным пологом; каждая нить была – струна. Чистый, пронзительный звук разлетелся над мягко светившейся землёй.

Сначала равнина была неподвижна, но через некоторое время на её поверхности начали расти холмы. Перезвон небесной пряжи вытягивал их ввысь, вылеплял гладкие бока, вливал твёрдость в могучие ноги, придавал грубым рукам подобие изящества. Люди? Нет, на Селении не живут люди. Создания из льда? Стекла? Хрусталя? Скорее, ожившие кристаллы, воплощения силы этого мира, чьей собственной силы хватает лишь до ночи. Как только тускнеет светило, они падают в гаснущую равнину, вновь становясь её частью до утра, когда в вышине начнётся тонкий перезвон сверкающих нитей.

Помнят ли они вчерашний день? Или возрождаются заново всякий раз, услышав небесную музыку? Знают ли они друг друга?

Конечно. По крайней мере, Селен помнил.

* * *

Селен привычно огляделся. Сверкающая долина была занята пробуждающимися соседями. Кто-то уже стоял на ногах, кто-то продолжал расти и вытягиваться, только обретая форму.

Вдалеке поблёскивало нежно-бирюзовое зеркало большого озера, из которого выбегала быстрая река, и таинственно мерцали величественные горы.

– Пойдём, – внутри у Селена зазвучал звонкий голос Селеники, его подруги, – расскажу тебе кое-что.

Селен медленно повернул массивную голову и едва заметно кивнул Селенике, не забыв с удовольствием оглядеть её ладную фигурку. Возрождаясь с каждым днём, она становилась всё грациознее, словно неведомый резчик раз от раза совершенствовал своё мастерство, придавая её формам всё большую гармоничность. Селену казалось, что и голос её становится мелодичнее, хотя ни голосовых связок, ни ушей у обитателей Селении не было – они общались между собой мысленно. У кого-то голос был глухим, еле слышным, у кого-то – визгливым и неприятным, у кого-то – гулким, раскатистым. Но лишь её голос согревал его изнутри, разливаясь волной умиротворения по прозрачному телу и делая это тело сильнее. Словом, он был готов немедленно идти с ней, куда она скажет.

Идти было недалеко. Уютный грот у реки был их любимым местом. Красивым, переливающимся всеми оттенками бирюзы, и, что самое важное, уединённым.

– Я боюсь, – сразу начала Селеника.

– Чего?

– Ты... – она подбирала слова, – ты сразу вспоминаешь себя, когда встаёшь утром?

– Конечно, – Селен недоумённо посмотрел на неё, – и себя, и тебя.

– А я нет! – в голосе Селеники зазвучали истерические нотки, и он машинально потёр виски. – Сначала я вообще не понимаю, кто я, где я нахожусь, кто рядом со мной. Потом потихоньку память возвращается, но с каждым днём всё медленнее! Что будет, когда я уже не вспомню?

– И не узнаешь меня... – грустно закончил Селен.

– Что мне делать?

Он не ответил – не любил тратить слова зря. Обнял её, стараясь не замечать звучащих в голове рыданий.

* * *

Небесный перезвон прекратился, дети Селении расходились по своим делам. Главным из них была добыча самоцветов в дальних горах. Но не только добыча: Селен с Селеникой занимались огранкой камней. Они работали рядом, часто помогали друг другу, вместе проводили редкие перерывы на отдых.

И вместе встречали ночь. Им каждый раз было страшно, когда наступал этот миг. Конец этого дня и, одновременно – всего на свете. Маленькая смерть, за которой всегда следовало возрождение. Но сейчас, перед тем, как рассыпаться в сверкающую пыль, она особенно крепко сжала его руку и внимательно вгляделась в его лицо.

Как только Селен открыл глаза, его затопил страх: вдруг Селеника не вспомнит его? Вспомнила, но на это ей потребовалось много времени. На следующее утро – ещё больше. А однажды и он, встав под небесную музыку, не смог сразу осознать себя. Потом в голове прояснилось, но те бессилие и ужас, которые он испытал, тупо пялясь в утреннее небо, потрясли его.

Селен осторожно расспросил приятелей – ни с кем ничего подобного не происходило. Они с Селеникой были единственными, кто столкнулся с этим. С чем? Они не могли понять, и это пугало не меньше, чем беспамятное будущее.

* * *

– Селения отторгает нас, – предположила Селеника.

Они сидели в своём любимом гроте, выкроив немного времени после работы. Селен был угрюм, его подруга то и дело принималась плакать без слёз, но ещё могла рассуждать здраво.

– Или пытается сделать нас частью себя окончательно, – задумчиво ответил Селен.

– Почему мы? Почему у других всё по-прежнему?

– Откуда ты знаешь? Ты же не спрашивала у каждого. И потом, у меня это началось позже, чем у тебя. Может, ты оказалась самой чувствительной из нас?

– Может быть...

– Какая тебе разница? Надо думать не об этом, а о том, что нам делать.

– Что? – Селеника с надеждой посмотрела на него.

– Если бы я знал...

* * *

Селен любил свою работу. Когда камень в его руках приобретал форму и характер, когда в гранях начинал отражаться бело-голубой свет, когда самоцвет, казалось, уже готов звучать в унисон с небесными нитями, он был счастлив. В тот день мастер работал особенно вдохновенно: его не покидало ощущение, что он делает это в последний раз. Закончил очень поздно и жадно вгляделся в результат своего труда, стараясь запомнить его. Селену казалось, что это очень важно – не забыть этот камень.

Огромный, сияющий кристалл был двухцветным: в нём рассветный розовый и золотисто-жёлтый смешались и теперь мягко перетекали друг в друга, играя в идеально гладких гра-

нях, из которых складывался причудливый узор. Самоцвет был огромным, чтобы поднять его, Селену пришлось напрячь все силы.

Подошла Селеника.

– Какая красота! – восхитилась она. – Он как живой, посмотри! И очень тёплый, будто совсем не отсюда...

– Пора, наступает ночь, – грустно отозвался Селен.

Он в последний раз посмотрел в чарующую глубину камня, опустил его на землю и взял Селенику за руку.

И они канули в небытие.

* * *

Первое, что увидел Селен, обретя своё тело, был двухцветный кристалл. Он притягивал взгляд, мерцал, закручивая лучики света в крошечный вихрь...

Кто-то тронул Селена за плечо. Кто? И почему в голове звучит чей-то растерянный, жалобный голос? «А она красивая, – подумал он, – почему я раньше её не встречал? И почему она хватает меня?»

Селеника в панике затрясла друга за плечи. Неужели он уже не узнаёт её? Она пыталась мысленно докричаться до Селена, но он не слушал. Не понимал, что это она зовёт его. А Селенике, наоборот, этим утром потребовалось совсем немного усилий, чтобы вспомнить себя и свою жизнь. Она была так счастлива! Но теперь снова впала в отчаяние, поняв, что время идёт, а Селен всё так же безучастен. Напрасно ей казалось, что всё наладится, напрасно она приняла за добрый знак появление необыкновенного камня.

Селеника погладила отполированную грань – под ладонью разлилось тепло. «Селен, он и правда тёплый!» – воскликнула она. Ответа не было. На самоцвет легла вторая ладонь, широкая, сильная. Селеника замерла в ожидании. Постепенно на лице Селена проступало узнавание, а следом – восхищение и нежность, с которыми он всегда смотрел на неё. Он обнял Селенику. Потом поднял камень и двинулся к реке. Она поспешила следом.

– Я думала, ты уже не вспомнишь, я ужасно испугалась, – пожаловалась Селеника, наблюдая, как Селен бережно устраивает самоцвет в глубине грота.

– Если бы не он, – Селен кивнул на кристалл, – я бы, наверное, и не вспомнил уже. В нём есть какая-то непонятная сила...

– Я же говорила, он живой! Только что он был тёплым! Разве так бывает? Ни разу не встречала такого!

– Главное не это.

– А что?

– Посмотри внимательно. Он зовёт меня. А тебя?

Селеника взгляделась в переливающиеся грани, которые, кружась, образовали воронку. Маленькую, но, казалось, бездонную.

– Да!

Повинуясь порыву, Селеника накрыла воронку руками. Селен положил ладони рядом. Через несколько мгновений камень из тёплого превратился в горячий, потом – в раскалённый, а потом им показалось, что небо взорвалось...

* * *

Новый мир не так уж сильно отличался от Селении. Такие же прозрачные листы сияющих деревьев, такой же мягкий свет. Только громадное светило было золотым, небосвод казался

выдолбленным в громадном, розово-жёлтом самоцвете, лес вдали переливался всеми оттенками розового, а океан, на берегу которого сидели двое, лениво играл золотистыми волнами.

Было тепло и тихо. Селен поднял голову и поискал глазами привычную завесу из сверкающей пряжи, но небо было свободно.

– Интересно, каким становится этот мир после заката? – задумчиво проговорил он.

– Скоро узнаем! – Селеника звонко рассмеялась.

– А ещё здесь нам понадобится дом, – Селен озабоченно огляделся.

– На этом берегу, – кивнула Селеника и чуть слышно спросила: – Ты помнишь Селению?

– Теперь мы будем помнить её вечно, – улыбнулся он.

Москва, февраль-март 2023 г.

Александр Донской

Город Бога

Матово-красный «Бьюик» с открытым верхом мчался по ночному шоссе, дальним светом выхватывая из темноты дорожные указатели. «Лос-Анжелес – 150, Барстоу – 40» гласила очередная белая надпись на болотно-зелёном фоне. Молодой парень, сидевший за рулём, бросил раздосадованный взгляд на датчик топлива, стрелка которого предательски дрожала вблизи левого края шкалы.

– Дьявол! – выругался он, обращаясь то ли к несправедливости мироздания, то ли к девушке в откровенном наряде на пассажирском сидении.

– И ты играл с ним в кости! – усмехнулась девица. – Прямо как этот... Эйнштейн!

Она потянулась в кожаную сумочку-клатч за сигаретой. Чиркнула зажигалкой, но та лишь высекла мелкий сноп искр. Казалось, в эту минуту всё топливо мира объявило забастовку.

– Нет. Эйнштейн говорил, что Бог не играет в кости со Вселенной, – ответил парень и снова посмотрел на приборную панель. – Судя по всему, правильно делает...

Он сбросил скорость, чтобы вписаться в поворот. Для этого пришлось передвинуть рычаг с пятой передачи на четвертую – стрелка топливомера дрогнула ещё сильнее.

Девушка взглянула на экран мобильного телефона:

– Ноль палок... – она грустно всхлипнула и, поёжившись, обхватила себя за плечи. – Шон? Как думаешь, люди правда замерзали в пустоши насмерть?

– Не говори ерунды, Белинда! – воскликнул парень. – Мы наверняка встретим попутку или машину копов. Попросим отбуксировать нас в город, а там придумаем, как расплатиться. Ясно?

– Ясно, остынь... Только если наткнемся на реднеков, хрен я соглашусь платить «натурой»!

Неожиданно на обочине показался знак поворота направо. На табличке под ним, приближенной к перекладине между двумя старыми деревянными столбами, витиеватым шрифтом было выведено: «Добро пожаловать в Элайджавилль».

Красный «Бьюик» затормозил и свернул на дорогу, уходящую вниз по склону.

* * *

Последние три сотни футов машина проехала уже под действием силы тяжести и остановилась, вырвав прямо под навес видавшей виды бензоколонки.

– «Элайджавилль»... – Белинда манерно цокнула языком, будто пробуя слово на вкус. – Идиотское название. Как будто у деревни амишей.

– Главное, не говори это местным, когда будем просить у них позвонить.

Шон вылез из машины и подошёл к окну магазина, но не увидел в нем ничего, кроме самого себя в отражённом свете газового фонаря. Окна всех остальных домов вниз по улице также были темны. Тут подруга его окликнула.

– Глянь-ка на это!

Шон обернулся и посмотрел на колонку, на которую указывала Белинда. Несмотря на то, что модель устройства была очень старой, за ним все эти годы (быть может, десятки лет) тщательно ухаживали: корпус был покрыт свежей зелёной краской, табло и панель управления

начищены и отполированы. Выделялись новизной только заправочный пистолет и прикреплённый к нему шланг – их явно заменили совсем недавно.

– Должно быть, вместо бензина она отсыпает лошадиный овёс, – попытался пошутить он.
– Ты вот сюда смотри!

Приёмников для наличных денег или пластиковых карточек у колонки не было. Вместо них на привинченной самодельной полке уютно расположились прозрачный ящик с прорезью в крышке, внутри которого виднелись сваленные в кучку банкноты, и глубокое блюдо, наполовину заполненное монетами. Цена за галлон 87-го бензина была выведена красным фломастером на клочке бумаги, приклеенном оранжевым скотчем.

– Самообслуживание уровня «Бог»! – девушка заговорщицки ухмыльнулась. – Шон, ты думаешь о том же, о чём и я?

Парень резко понизил голос, едва удержавшись от того, чтобы выкрикнуть:

– Нет, Белинда, мы не будем воровать бензин!

– Ну конечно! – девушка всплеснула руками. – Мы будем среди ночи стучаться в каждый дом, пока не отыщем владельца бензоколонки. Как думаешь, нас пристрелят на месте до того, как мы попросим налить нам бесплатный бак, или сразу после этого?

– Не драматизируй! Здесь явно не Инглвуд. И мы могли бы что-нибудь предложить в обмен на бензин или звонок в Лос-Анжелес – например, магнитолау из машины.

– Валяй! Пусть прокатная компания тебя засудит...

Усевшись на спинку сидения, Белинда картинно раскинула руками по сторонам:

– Оглянись, Шон! Мы с тобой ночью в чужом городе, где нас никто не знает. Вокруг ни души. На заправке нет ни камер, ни блокировок – наверняка и сигналки тоже нет. Вдруг это шанс, который выпадает раз в миллион лет?

Парень опустил голову, массируя пальцами виски и мышцы шеи. В конце концов, местные жители и вправду могли не оказать радушного приёма двум незадачливым чужакам. А быстрое и, главное, гарантированное решение их проблемы – вот оно! Нужно было всего лишь протянуть руку. И, справедливости ради, на месте Шона было бы лукавством утверждать, будто он ни разу в жизни этого не делал...

– Ладно! Один бак, не больше – только чтобы мы вернулись домой. Доставай канистру.

* * *

Шон открыл глаза и первые секунды пытался понять – где находится. Он лежал на спине, укрытый тонким хлопковым одеялом. Постель его была слишком твёрдой и ровной, чтобы ей могли служить сидения «Бьюика», а над головой висело совершенно точно не звёздное небо. Впрочем, его недолгие размышления прервала Белинда: девушка бросилась к нему со всех ног, едва он подал признаки жизни.

– Доктор Гилберт, Шон очнулся! – крикнула она куда-то в сторону, крепко обнимая друга.

Послышались приближающиеся размеренные шаги. Парень повернул голову и увидел, как в комнату вошёл пожилой мужчина в белом халате и толстых очках.

– Девушка, осторожнее: мы же не хотим задавить молодого человека! – сказал он спокойным, слегка насмешливым тоном.

Белинда выпустила Шона из объятий и взяла его за руку. Парень наконец смог немного приподняться, чтобы лучше рассмотреть комнату – это была больничная палата.

Доктор снял со спинки кровати планшет и, деловито поправив очки, посмотрел в него.

– У вас возникли сильные судороги, за которыми последовал кратковременный паралич дыхательных мышц. Молодой человек, вам стоит поблагодарить вашу спутницу: когда с вами случилась беда, она принялась стучать во все двери и окна, чтобы привести помощь.

Шон попытался приобнять Белинду за плечо.

– Последнее, что я помню – как я заводил машину...

– Такие симптомы характерны для электротравмы. Теоретически, замок зажигания мог случайно оказаться под напряжением и ударить вас током, когда вы вставили ключ, – доктор задумчиво потёр подбородок. – Вот только я сомневаюсь, что мощности автомобильного аккумулятора достаточны для столь сильного поражения...

Неожиданно в палату вошла молодая женщина. Одета она была в зелёную клетчатую рубашку с закатанными рукавами и джинсовый рабочий комбинезон. В руках она держала стопку потрёпанных газет.

– Док, я думаю, дело в другом! – сходу встряла она в разговор.

Женщина обернулась к Шону и Белинде, уставившись на них пристальным взглядом.

– Кстати, я Келли! Ребята: вы, когда заправляли машину, случаем не забыли ничего положить в ящик?

Белинда стыдливо опустила глаза.

– У нас нет денег. Ну, понимаете: «Вива Лас-Вегас!»

Доктор снял очки и протёр стекла полой халата.

– Значит, всё ясно. Вас, юноша, покарал Господь.

* * *

Несколько мгновений ответом ему служили застывшие в выражении крайнего недоумения лица Шона и Белинды. Наконец, девушка первой решилась нарушить молчание.

– Чё?!

– Ваш друг, уважаемая, задумал украсть у честной владелицы заправки принадлежащий ей бензин. Не берусь судить, с вашего это было ведомо или же без него. Тем не менее, это был сознательный и злой поступок, который ему почти удалось довести до конца. Поэтому Господь вмешался.

– Это шутка такая? – непонимающе спросил Шон. – В том смысле, что меня наказал Бог, потому что если мы не заплатили, то значит «Мы не верим в Бога».

Он растянул и потербил пальцами воображаемую банкноту.

– Уверю вас, юноша, шутить об этом у нас любит разве что окружной коронер.

Слова доктора звучали настолько серьёзно и убеждённо, будто бы он говорил о чём-то само собой разумеющемся: трава зелёная, вода мокрая, Бог существует и наблюдает за нами, выборы в ноябре.

– Док, они же не местные! – снова вмешалась Келли. – Вот, ребята, сами посмотрите.

Она протянула им стопку, которую держала в руках – ей оказалась подборка газет из нескольких ближайших городов. В прошлогоднем выпуске «Дезерт Диспатч» из Барстоу была обведена красным фломастером заметка под фотографией неприятного на вид мужчины, озаглавленная: «Подозреваемый в убийстве жены и её матери найден мёртвым в номере мотеля в Элайджавилле». Первая полоса «Викторвилль Дейли Пресс» двухмесячной давности гласила: «Банда, ограбившая инкассаторов, разбилась на собственном фургоне у поворота на Элайджавилль». Был здесь и таблоид «Нью-Йорк Дейли Ньюс»: статья про мошенника из Сан-Франциско, организовавшего финансовую пирамиду и сбежавшего с деньгами вкладчиков, заканчивалась словами о его смерти при невыясненных обстоятельствах... также здесь, в Элайджавилле.

– Такую подборку можно сделать про любой город, – Шон вернул газеты заправщице. – И вы правда верите, что всех этих людей убил Бог?

– Не верим. Знаем, – ответил доктор.

– И не убил, а воздал им за преступления, – добавила Келли, и в её голосе проступили нотки гордости. – Я знаю, места вроде нашего принято называть «забытыми Богом». На самом деле Бог, наверное, забыл про весь остальной мир, но про Элайджавилль Он помнит. И приглядывает за ним.

– То есть, в вашем городе совсем нет преступности? – по-прежнему недоверчиво спросила Белинда.

– Конечно же, нет! Нужно быть дураком, чтобы пытаться кого-то убить или обобрать, зная, что это будет последняя глупость в твоей жизни, – Келли рассмеялась при взгляде на Шона. – Даже не знаю, приятель, почему Господь решил помиловать тебя. Наверное, дуракам и правда везёт.

Парень шумно сглотнул подступивший к горлу ком. Можно ли было считать признаком большого ума то, что они с подругой просадили в казино все деньги? Впрочем, в эту минуту их обоих гораздо сильнее беспокоило более приземлённое обстоятельство – они попались на краже.

– Что теперь с нами будет? – робким голосом спросила Белинда. – Нас арестуют?

– Полиции у нас тоже нет, – усмехнулась Келли. – Да и зачем? Как по мне, твой приятель и так уже наказанный.

Доктор отложил в сторону планшет и вытащил из-за пазухи бумажник. Порывшись в нём, он протянул Белинде визитную карточку.

– Вот как мы поступим. Смотритель библиотеки, старик Холидей, сегодня собирался ехать в Ланкастер за новой партией книг, и ему не с кем оставить заведение. Закрываться на целый день он не хочет: как-никак, горожане любят проводить у него свободное время. К тому же, недавно он завершил ремонт в восточном крыле. Поэтому сейчас езжайте к нему и скажите, что вы от меня. Поработайте у мистера Холидея один день, и он заплатит вам, чтобы вы смогли купить бак бензина – и не только его.

– Идёт! – облегчённо выдохнул Шон.

– Тогда одевайся быстрее! Я подброшу вас на пикапе, – добавила Келли.

Белинда же, услыша это, лишь закатила глаза.

* * *

Публичная библиотека Элайджавилля располагалась в одноэтажном здании с высокими потолками. Книжные стеллажи занимали два просторных зала на восточной стороне – причём в одном из них полки были пока ещё пусты. От подобного заведения в заштатном провинциальном городке можно было ожидать, что книги здесь будут преимущественно старыми, в обветшалых переплётах и с пожелтевшими страницами. Но старик Холидей, очевидно, своё дело любил, предлагая посетителям и относительно новые издания, а также обширный выбор газет, журналов и даже настольных игр. Читальных залов тоже было два, но второй был переоборудован в аудиторию с кинопроектором и белым экраном-простыней на стене.

Работа Белинде досталась несложная: нужно было, сидя за старым компьютером с пузатым электронно-лучевым монитором, находить книгу в алфавитном каталоге, затем – на полках стеллажей, и выдавать её посетителю под роспись в журнале. То же самое, но в обратном порядке, приходилось делать при её возврате. С другой стороны, доктор не соврал: утро успел сменить полдень, а вереница посетителей продолжала идти один за другим.

– И-и... всё ещё ноль палок, – устало протянула девушка, взглянув на телефона. – Забудь, что я говорила про работу в «Семь-Одиннадцать»: там хотя бы есть радио!

Из подвальной двери показался Шон. Тяжело дыша, он тащил на спине очередную связку книг, предназначенную для отремонтированного хранилища.

– В этом городе нет радио, – ответил он, перехватывая кипу спереди. – И телевиденья тоже. Не ловятся вообще никакие сигналы. Ты была права: земля мечты для амишей!

– Капец! Прикинь, что сейчас творится у них в видеопрокате.

В двери вошла благообразного вида пожилая дама в позолоченном пенсне.

– Какие милые молодые люди – помогаете старику в его отсутствие! – она тепло улыбнулась Белинде. – Будьте так любезны, мне бы сборник «Кары» Франца Кафки.

Присвистнув от неожиданной просьбы старушки, Белинда отыскала книгу в каталоге и через две минуты принесла её.

– Благодарю вас! Вспоминаю, как в июне 1973-го я тоже оказалась в Элайджавилле проездом, да так и осталась. Это место было таким тихим и благопристойным – не то, что Чикаго! А через год я вышла замуж за Ричарда Бойла – у него мастерская деревянных игрушек и магазинчик в центре. Как будете уезжать, обязательно купите у него что-нибудь на память!

В ответ Белинда лишь безразлично хмыкнула.

– Ах, как жаль, что наш сын не дожил до этого дня, чтобы познакомиться с вами, – женщина всплакнула и достала кружевной платок из кармана жакета. – Бедняга, упрямство сжило его со свету!

– Соболезную вам, мэм, – сказал Шон. – Ваш сын погиб на войне?

– Да какая может быть война в четырнадцать-то лет? Понравилась ему девочка одна, да только сам он был не люб ей. И сказала она ему: нарви для меня цветов в саду мистера Пиклза, тогда и буду гулять с тобой. Думала, что так от него отвяжется, а он взял – и залез ночью в чужой сад. Там его поутру и нашли: трупик лежал, как живой, с букетом в руке...

Утирая слезы, дама ушла, прихватив с собой книгу. Шон и Белинда молча проводили её ошеломлёнными взглядами.

Когда парадная дверь закрылась, девушка спросила:

– Ладно, Шон, ты у нас учишься в колледже: по-твоему, что за хрень творится с местными?

Парень облокотился на кафедру и, оглянувшись, придвинулся к подруге поближе.

– Очень похоже на какой-то массовый психоз. Эти люди убедили самих себя в том, за ними следит сам Бог. Возможно, местные власти, какой-нибудь «совет неравнодушных горожан» или даже «глубинное государство» поддерживают эту легенду. Например, они могут размещать в газетах статьи о смертях преступников. Или даже сами их устраивать...

Белинда вздрогнула.

– Жесть... Думаешь, они правда убили шкета?

– Фанатики способны на все. И конечно, они будут покрывать друг друга перед властями округа и штата.

Девушка бросила взгляд на резную шкатулку, в которой старик Холидей оставил для них зарплату. Шкатулка была не заперта.

– Шон, я боюсь! Давай просто заберём деньги и свалим отсюда, пока целы?

Парень опустил голову.

– Это плохая идея, Белинда.

– Почему? Мы вроде не верим в эту чушь про «небесную кару»?

– Я верю в то, что за нами могут следить. А ещё в то, что местные знают наши лица, наши имена, наш номер машины и откуда мы. И я не хочу на въезде в Лос-Анжелес увидеть копов с моим фотороботом.

– А какого хрена ты хочешь? – девушка всплеснула перед ним руками. – Предлагаешь сидеть и ждать, когда местные линчуют нас?

Прежде чем парень успел ответить, из читального зала вышла женщина в летнем платье красно-жёлтого цвета. Она вела с собой за руку мальчика лет десяти, который безучастно

смотрел в пол прямо перед собой и держал в свободной руке разрисованный тетрадный лист. Заметив спорящих Шона и Белинду, женщина игриво улыбнулась:

– Ой! Надеюсь, мы не помешали вашей дискуссии? Знаете, как говорят: «Где двое соберутся во имя Моё, мнений будет три».

Она положила на кафедру слегка потрёпанный томик в мягком переплёте: «Занимательные истории Элайджавилля». Белинда в ответ наигранно улыбнулась.

– Всё нормально, мэм. Кстати, мы уже слышали пару офигительных историй о вашем городе.

– Вы не поверите, Тимми обожает эту книгу. Хотя она совершенно не детская! Но он просит меня читать ему вслух, а сам в это время рисует. Такой милый мальчик! Если бы сегодня библиотека оказалась закрыта, он бы наверняка расстроился, – женщина обернулась к ребёнку и сказала чуть строже. – Тимми, скажи спасибо молодым людям.

Мальчик поднял голову и встретился взглядом с Белиндой.

– Спасибо, – безразлично произнёс он и протянул девушке листок. – Теперь только мы знаем правду.

На картинке была изображена улица, заполненная людьми, в центре которой находилось круглое приземистое сооружение с отверстием. Из него в самое небо поднимался узкий бесцветный столб, увенчанный «шляпкой» и напоминающий то ли огромный гриб, то ли морскую медузу. Сходства с медузой добавляли многочисленные длинные «щупальца», росшие из-под «шляпки». Каждое из них тянулось к земле, постепенно сужаясь, и в итоге острым клином вонзалось в голову одного из людей.

– Что это? – Белинда обескураженно рассматривала рисунок.

– Его никто не видит. Но оно есть, – всё тем же бесцветным голосом сказал мальчик.

– Ой, у Тимми снова разыгралась фантазия! – добродушно ответила женщина. – Сегодня мы читали историю, как в 1921-м году на город упал метеорит – прямоком в колодец на площади Отца Элайджи. В ту ночь с небес гремел гром и горело огненное зарево – будто архангелы трубили, а до земли долетел лишь камешек размером с луковицу. Представляете?!

Едва женщина с ребёнком скрылись за дверью, Белинда отбросила листок с рисунком и испуганно обхватила обеими руками голову.

– Шон, умоляю тебя, бежим отсюда! – её широко распахнутые глаза говорили, что девушка едва сдерживается, чтобы не завопить от ужаса.

– Белинда, успокойся! – парень грубо одёрнул её за плечи. – У тебя на голове ничего нет. И никаких пришельцев из метеорита не существует!

– Тогда откуда все эти непонятные смерти? А твой обморок? А неработающие телефоны? Вдруг этот мальчик в самом деле что-то видит?

Теперь за голову схватился Шон.

– Дай мне подумать!.. Сделаем вот что: подождём, пока народ рассосётся, поставим табличку «Перерыв» и пойдём к колодцу. Выясним все до конца. Надеюсь, ты вычистила бардачок, когда меня увозили в больницу?

Белинда кивнула и приоткрыла сумочку: между упаковкой салфеток и футляром для темных очков виднелась чёрная рукоятка Глока 17.

* * *

Ближе к вечеру на город с запада начали надвигаться тучи, и, когда Шон и Белинда добрались до центральной площади, с неба уже падали первые крупные капли.

Колодец, выложенный из обтёсанных каменных блоков, был окружён высокой кованой оградой. Рядом на скамейке сидел доктор Гилберт. Услышав торопливо приближающиеся шаги, он встал и обернулся.

– Горожане хорошего мнения о вас, молодые люди, – приветливо сказал он, раскрывая зонт-трость. – Вы не задумывались о том, чтобы остаться жить в Элайджавилле?

– Расскажите нам правду, док! – резко ответил ему Шон.

Белинда тем временем попыталась заглянуть внутрь колодца сквозь чугунные прутья решётки.

– О! Вижу, вы пообщались с моим маленьким пациентом, – усмехнулся доктор. – Его случай очень похож на ваш. В свои восемь лет Тимми был очень непоседливым и своенравным мальчиком. Однажды во время игры в футбол он поссорился с приятелем и так разозлился, что едва не разбил ему голову камнем. В тот день Господь остановил его, и после этого Тимми стал более вдумчивым.

– Почему же Господь просто не убил его? Как сына миссис Бойл и всех остальных!

Доктор перехватил зонт плечом, чтобы протереть очки.

– Для Господа имеет значение не столько что именно совершает человек, сколько почему он так поступает. Тимми двигала незамутнённая детская ярость – в ту минуту он буквально не ведал, что творил. Сын же миссис Бойл... Мы с ним учились в одном классе: Джаспер был эгоистом. Он не терпел отказов и считал, что сможет добиться внимания Элеоноры силой. Он сознательно решился на злодеяние, и поплатился за это.

– А что насчёт меня? Ведь я сознательно хотел украсть тот бензин. Так почему я выжил?

– Вы? – доктор на мгновение задумался. – Полагаю, вы выжили потому, что вас терзали сомнения. Вы не хотели совершать преступление, но из-за сложившихся обстоятельств невольно оказались перед «дилеммой узника»: вы считали, что выбираете меньшее из двух зол и вынуждены либо пойти на воровство, либо рискуете потерять последнюю надежду вернуться домой. И Господь послал вам знак, что ваш выбор был неверен.

Шон отступил от доктора Гилберта на два шага и запустил руку под надетую навыпуск рубашку, ухватившись за нечто, торчавшее из-за пояса.

– Как вы всё гладко плетёте, док! Но если позволите, у меня есть альтернативная версия событий. Вы и ещё сколько-то человек, первых лиц города, тайно убиваете людей, которые ведут себя не так, как хотелось бы вам. Вы травите их каким-то ядом, чтобы не оставлять следов насилия – профессия врача позволяет вам это делать. В вашем городе нет полиции, потому что вы опасаетесь, что у копа может разыграться чувство долга, а окружной коронер тоже состоит с вами в сговоре. Остальным горожанам вы преподносите эти убийства как божественное провидение. Для этого вы контролируете их контакты с внешним миром: ведёте свою пропаганду через печатную прессу и глушите радиосигналы над городом. Наконец, когда меня случайно ударило током от неисправного аккумулятора, вы и нас попытались обратить в свою веру. Но вы не учли одного: нам нужна не вера, а правда!

– А ещё вам помогает гигантская невидимая космическая медуза из колодца! – добавила Белинда.

Доктор Гилберт улыбнулся.

– Вижу, вы изо всех сил пытаетесь быть рациональным человеком, Шон. Оттого довольно интересно наблюдать, как ваш разум хватается за любую призрачную соломинку фактов и выдаёт одну абсурдную теорию за другой, потому что упорно отказывается принять лежащее на поверхности объяснение: Элайджавилль в самом деле находится под защитой Бога. Не столь важно, как Он выглядит: как небесный старец в тоге, как огромная медуза или, быть может, как один из жителей города. Он не требует поклонений, не ниспускает откровений и равнодушен к молитвам. В этом Он подобен свержающему кружащему над стаей голубей: всемогущий и в то же время отчуждённый, Он лишь неусыпно борется со злом, и тем самым хранит покой этого места. Быть может, меры Его весьма суровы, но они всегда предсказуемы.

– Значит, предсказуемы?..

Голос Шона дрогнул. Он резко вскинул руку из-под рубашки: его ладонь сжимала рукоять пистолета, целясь доктору прямо в грудь.

– Смотрите, док, я готов совершить преступление: могу в любой момент нажать на спуск и всадить в вас пулю. Где же ваш Бог, когда он так нужен?!

Но доктор невозмутимо продолжил стоять на месте.

– Во вмешательстве высших сил нет необходимости, Шон. Нам обоим известно, что вы не станете стрелять.

Из глаз юноши потекли слезы, смешиваясь с потоками воды. Дрожа всем телом, он закричал и с размаху бросил оружие на землю.

В это время Белинда вытащила из сумочки небольшую стопку пятидолларовых купюр. Воздев руки над головой, она разорвала банкноты мелкие куски и выбросила их в колодец.

– Это была наша зарплата, док! – воскликнула она. – Теперь нам снова нечем платить за грёбаный бензин! И знаете, что? Нам похрен! Мы просто сядем в машину и уедем. Если ваш Бог захочет остановить нас – пусть рискнёт!

Она торопливо подобрала с брусчатки пистолет и схватила друга за руку.

– Пойдём домой, Шон.

Парень и девушка, опасливо озираясь по сторонам, побрели прочь сквозь струи дождя.

* * *

Когда гости Элайджавилля скрылись за поворотом, молодая заправщица поравнялась с доктором Гилбертом.

– Всегда грустно наблюдать подобное. Истина всегда открыта, но человека может ослепить жажда поиска тайных причин и связей либо подсознательный страх перед справедливым миром. Как ты считаешь, Микаэла, что теперь ждёт этих молодых людей?

В ответ женщина в комбинезоне усмехнулась:

– Узнаете из утренних газет, док.

Алёна Калинина

Человек с быстро-бьющимся больным сердцем

Однажды человек с быстро-бьющимся сердцем закрылся в чулане и заплакал.

– Да, – говорит плачущий человек с быстро-бьющимся больным сердцем, – я закрылся в чулане и плачу, потому что время моё так быстро идёт. Часы превращают дни в минуты, а минуты в считанные секунды. Тук-тук! Тук-тук!

Раньше, когда я был ещё крохой, сердце моё билось медленнее. Я был как маленький Будда, не знающий горести и печали. Но с каждым годом, с каждым новым шагом, стук моего сердца учащался, и я не в силах был его удержать. Тук-тук! Тук-тук!

Я стал проживать один год за два, два года за четыре и так далее, и сердце до сих пор никак не унимается. Я прожил не так много времени, но уже ощущаю себя стариком. Время злобно шутит надо мной. Усмехается над бедным маленьким человеком. В 10 лет у меня уже росла пушистая борода и первые морщины начинали шрамить моё лицо, в 20, мои суставы стали хрустеть, а кости ныть от малейшего дуновения ветра. Сейчас мне 29, и мне кажется, что сердце моё от бешеной скорости может разорваться. Будто кто-то берет его большими безжалостными руками и выжимает все его жизненные соки до последней капли. Тук-тук! Тук-тук!

Я знаю, это руки Времени. Это Оно засыпает меня своими колючими песками, и я старею, я умираю, не прожив ещё и половины жизни, которой живут обычные люди. Кажется, при рождении мне попалось бракованное сердце, потому что оно решило отсчитать сразу 100, положенных мне судьбой, лет за 30. Я умираю молодым стариком, не в силах удержать его стук.

Как больно, как одиноко, моему быстро-бьющемуся сердцу!

Оно болит от скорби! Тук-тук. От жалости к себе! Тук-тук. От отчаяния и неизбежности! Тук-тук. Болит из-за лжи! Тук-тук. От предательства! Тук-тук. От страха перед неизвестностью! Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук...

И я буду сидеть в этом чулане и плакать, надеясь, что моё больное сердце, которое скоро, кажется, будет биться со скоростью света, хоть кто-нибудь услышит.

Так, закрывшись в чулане, целую вечность плакал человек с быстро-бьющимся больным сердцем, в надежде, что до кого-то долетит его сердечная боль.

Но не знал этот человек, что ни одно сердце на Земле не может болеть. Оно либо стучит, либо останавливается...

Тук-тук. Тук...

Александр Камаев-Левицкий

Картинки лета

Четыре чернильно-чёрных силуэта сидящих на венчике крыши, были ясно видны на фоне догорающего заката. Это дворовые коргоруши³ собрались встречать восход праздничной луны. Постепенно бесцветная черепица стала темно-вишнёвой, потом красной, и вот уже на фоне тёмного неба блистает красным золотом крыша старого дома. Четыре кота обрели родной чёрный цвет, но поднимающаяся луна подарила им окантовку жёлтого золота.

Никто не будет нынешней ночью вскрывать холодильники в поисках сметаны, сбивать когтистой лапой, подвешенный на ночь, ком будущего творога, из-под марлевой оболочки которого брызжет сыворotka. И уж точно, никто не слямзит спрятанную под спальное ложе тушёнку.

Сегодня объявлен мораторий на ночное похищение еды. Главные сельские ворюги: хорьки, ласки и коты пойдут на праздник. Всё, что им надо, они стырили вчера. Спите спокойно утки, куры и хозяйки – никто вас не тронет.

Я дремлю на вынесенном во двор под окно нового дома старом диванчике. Полусонным взглядом наблюдаю метаморфозу перехода дневных цветов и запахов в ночные. Жду, когда над прудами грянет лягушачий хор. Вот-вот проснётся дедушка, и мы начнём трудиться. Пусть он поспит подольше, сегодня предстоит работа – тяжкая, но короткая. Всё равно сны вещи кажут на утренней зорьке.

– Лови татя! Бей рыжего! – Раздался из заросшего хмелем старого дома хриплый скрипучий крик.

Я невольно отметил, что Махно снова простыл. Всякий раз одно и то же. Как новый дом построишь, так старого Махно не дозовёшься. Этому новому дому, под которым я сижу, сто лет уже в обед, а всё равно числится «новым». Фундамент, на котором он стоит, ещё при древних греках ставили. Правда, в старом доме фундамент ещё альбенский. Были тут такие, эльфам родня. Так и живём. Обветшает один дом, ставим рядом другой, но на старом фундаменте.

Сквозь решётку подвала выскочило существо похожее на большую рыжую крысу и метнулось со двора... Но не успело! С крыши навеса, под которым я лежу, слетела бело-чёрная молния прямо на загривок крысуну. Это моя любимица Изя. Когда она помещалась на ладошке, то сильно любила выковыривать из творожка изюм. Потому и назвалась Изюминкой – сокращённо Изя. Теперь-то она – Мама-кися. Обладательница особенно бархатного тембра урчания и убийца крыс. Вот только не понял, кто раньше поспел, то ли кошка, то ли коты, то ли домовая? Потому, что глазом я моргнуть не успел, как все они окружили беглеца.

Махно притащил каминные щипцы и старательно тыкал в чёрно-жёлтый клубок дерущихся тел. Его жена-кикимора тоже изредка совала туда спицей. Ну что ж, надо идти вершить суд и расправу.

При моём приближении Махно просипел:

³ Коргору́ши или колове́риши – в восточнославянской мифологии существа мелкого размера, служащие на посылках у вельм, домовых либо дворовых. В качестве самостоятельных персонажей почти не встречаются, в отличие от южнославянских злыдней. Люди видят их в основном в образе кошечек, преимущественно чёрной масти. Коргоруши – помощники дворового приносят своему хозяину припасы или деньги, воруют их из-под носа соседского дворового. Соседские коргоруши, в свою очередь, могут поступать схожим образом, подстраивая якобы «случайное» битьё посуды или потери, которые нельзя ни предусмотреть, ни отворотить

– Я его все-таки поймал! Этот чубайс⁴ монеты из фундаментов выковыривает, чтобы, значить, дом не стоял, а люди не помнили родства, – и, повернувшись к крысе, закричал: – Отдай денюгу, гад!

Такого крупного чубайса я давно не видел. Брюхо толстое белое, хвост метровый лысый, когти острые серповидные, морда круглая наглая. Нос, как две дырочки в пуговице, пасть зубастая до ушей. За щекой чуется денюга.

– Ну и что ты мне сделаешь, убогий! – прошепелявил злыдень, – ты такой же дух, как я. Только ты людям продался за кусок хлеба... А я гордый.

Я подумал, что он отчасти прав. Домовые, обнаружив в кошках близких родственников, смирились с людским племенем, с энтузиазмом налаживая быт, а эти все ещё гадят.

Про чубайсов вспомнилась старая приговорка: «Не ест он ни жита, ни мяса, не пьёт ни пива, ни кваса, а питается людской бедою». Сначала он поселяется в одной избе, потом захватывает село. Бывали случаи, когда и государство разорял.

Ничего мы ему сделать не можем. Но я попробовал.

– А слабо тебе в напёрсток залезть?

– Ты чо, совсем ку-ку? – вопросом на вопрос ответила протокрыса. И заржала.

– Да я его... – взревел домовой, и в круге кошек снова завертелся визжащий клубок. Ситуация – патовая. Когда-то давно хитрые хозяйки заманивали крысиных духов в напёрстки, а подвернувшиеся тут же солдаты стреляли ими в небо. Но крысадлы нынче умные пошли. Убить мы его не можем. Теоретически есть возможность вечной драки. Но... домового – жалко.

– Вы что там, с ума посходили? – раздался голос из окна нового дома. Хорошо поставленный голос, не громкий, но пронзающий каждую жилку любого существа. – Вот, даже гостя из нирваны вывели! Заразы! – добавил голос в сердцах.

Драка прекратилась и все, даже крысадл, замерли, как нашкодившие малыши.

– Э-э... – прокашлялся я, – дедушка Сон, домовой тут чубайса с поличным поймал, а что делать с ним, не ведаёт?

– Потому что он такой же мальчишка, как и ты. Ничему не учись! – Мы с домовым переглянулись и съежились. – Чубайса нейтрализовать просто, – завёл голос поучительную лекцию, – берёшь блюдечко любое и колечко золотое. ... Ан, погодь! Давай у Хуайбиня спросим. В порядке обмена опытом.

Из окна донёсся шёпот скоротечного разговора. А потом другой голос на несколько тонов выше первого, наставительно произнёс:

– Ессь два асанавных вида медитясии. Пеллвый, котоллый любияця здесь, У-умная малитива називаеся. Концентррация лисиного Я в поисках лисиного Госопада. Мне нравися. И вторая вида, осень любилю, растворение лисиного Я в ноосфере. Конфуций усила. Так вот. Беллёс сюбайса и погллузаеся в любую медитясию. Потом кидяеся его в лллакитовый куста. Она медитирует и ллазволосеся.

– Во как, – послышался первый голос, – тоже, что и у нас, только с философским подтекстом. Лови кольцо! – Из окна вылетело колечко, а за ним алюминиевая тарелка. – Пусти колечко по блюдечку, да чубайса за лапы держи, чтоб не стырил, он и заснёт. Я ему сон вечный пошлю. Там у калитки куст бузины, туда и кинь.

⁴ Чубайс (чубась, чубысь, бесёнок рыжий) в низшей мифологии великоруссов и латгалцев: – «маленький, рыжий, зловредный и вопиющий домовой дух». Чубайса представляли в образе «пузатой рыжей крысы, с лицом вроде человеческого». Чубайс вселяется в дома по воле злых колдунов, тушит огонь в очаге, требуя выкуп либо зерном: «все в амбарах поберёт, из сусеков заметёт» либо животными: «что мычит да блеет, вкоччет да лает, коровы да собаки – гони в буераки, курку и козлищу – ко мне в логовище», но не потому, что хочет есть, а затем, чтобы заставить людей голодать: «Не ест он ни жита, ни мяса, не пьёт ни пива, ни кваса, а сыт бедою людскою». Чубайс сначала поселяется в одной избе, но если его не выжить, может «целую волость запустошить».

Произошла безобразная сцена с шипением и визгом. Протопасюк пытался вырваться, но против боевых котов домового ничего сделать не смог. Да и как уйти толстой крысе от поджарых натасканных именно на его поимку коргорушей, умеющих не только воровать, но и телепортироваться. Мама-кися оценивающе наблюдала за работой собственных детишек, что-то довольно муркая. Злыдень впал в транс.

Все вместе торжественно понесли чубайса в куст. Как раз прибежал Вертихвост с Любом на шее. Волчина здоровенный звался также Вертиком или Вертером, смотря по настроению. Сейчас он тяжело дышал, свесив длинный язык. Шерсть мокрая, жарко ему. Да и работа нелёгкая: оббежать каждый дом с котом на плечах. Хранитель брачного ложа огненного цвета Люб с достоинством от выполненного долга сполз с мощной зверины. Тоже устал. Он должен был определить и пометить те человеческие парочки, что этой ночью не должны спать. Махно тут же заволновался, просто кинул крысу в куст и побежал во двор, что-то выкрикивая про кашу с мясом и сметану. Видно, загодя приготовил угощение.

– А Света выйдет? – с бруса над калиткой на меня с любопытством смотрела котячья мордочка.

– Заходите, – распахнул я калитку, и мимо меня разноцветным ковром проследовало штук сто кошек.

Это надо видеть! Я поторопился вслед и зашёл в зал «нового» дома. У окна сидела старушка, ветхими руками оглаживая забравшихся на неё котячьих. Она – хозяйка этого дома, бывшая сельская библиотечарша. Всю жизнь прожила одна, но на заднем дворе библиотеки подкармливала кошек. А они её и... ну вот сами посмотрите. Сморщенная кожа старушкиного лица разгладилась, порозовела, волосы обрели пшеничный оттенок, а потом женщина стала уменьшаться и вскоре среди клубка мохнатых тел хихикала девочка лет пяти. Клубок распался, сильнейшие коты подхватили дитя на свои спины и под кричалку: «Как книгу! Как конфеточку! Несут котята Светочку!», вся толпа вывалила со двора. Следует отметить, что кричалка очень нравится кошкам, и все мои попытки её литературной обработки натываются на насупленную настороженность. Спорить с кошачьим племенем, всё равно, что окультуривать фанатов футбольного клуба «Шериф», но с болельщиками договориться можно. Зато, который год смотрю за восстановлением здоровья бабуся.

Во дворе меня встретил одетый в армяк мужик с окладистой бородой.

– Дрёма, – окликнул он меня, – нехорошо получилось. Крыса-то пятак екатерининский зажилила! Теперь дом развалится. Я, когда строил, денег не пожалел, под каждый угол цельный пятак поклял. Я бы и новый положил, да у меня в могиле денег нет!

– А пойдём-ка в огород, – придумал я. Прямо на выходе с заднего двора поднял из земли деньги. Рядки молоденькой картошки засеребрились искорками монет.

– Это честные деньги, – сказал я казаку, – утраченные твоей семьёй в трудах. Погляди, может быть, найдёшь замену. А пятак чубайсу нужен, чтоб разъедать его изнутри.

– Я тут где-то полушку потерял, – восхитился строитель первого дома в Терновке, – найду, само-то будет. Мы тут тоже много чего находили, Матушка-царица нам землю старую дала. Я пойду, поищу, – заторопился он, – нас на той стороне Тираса буджакские татары ждут, а ещё монахи обещали вина бочку выкатить.

И, правда, железа в этой земле лежит много. Трактористы то и дело, то киммерийский курган вскроют, то фашистская пушка вылезет.

Во дворе у моей лежанки стояли старики. Видно Хуайбинь сам вывел слепого дедушку Сна во двор.

– Все ли готово, Дрёмка? – сварливо осведомился дед.

Я ответил, что время подходящее, близко к полночи, люди помечены, газ повсеместно отключен, можно усыплять.

– А чего так светло? – привычно спросил дед.

Дед слеп в человеческом понимании. Он видит мир хитросплетением биологических и иных энергий. Я работаю исключительно с биологическими объектами, а дед зрит всё многообразие энергий и их источников, и может ими управлять. Вот только то, что люди стали пользоваться электричеством и газом, ему не то, чтобы не нравится, но не привычно.

– Дедушка, – затараторил я, – ты только эти голубенько-беленькие линии не отключай. Лето, холодильники потекут.

– А у наса электлисества мала, – влез Хуайбинь, – далагая осень. Сосиальный пакет мальюсенький, обязательно выскосись, а там талиф долозе. Пасимотлись теливизол «Сипаконной носи, малиси» – и спать.

– Хорошо у вас...

– Дадите газа, вот тогда холосо будет.

– Ладно, работаем! – скомандовал дед. – Ты накрываешь вот этот сектор, реку и луг перед ней не трогаешь. Я – остальное. Встречаемся на этой линии.

Старички повернулись спиной друг к другу и застыли в безмолвии. Китаец высвободил левую руку из широких рукавов шёлкового халата и начал тихонечко водить ею в направлении своего сектора. В этой позе он выглядел, будто срисованным с пачки китайских сигарет изображением старца. Дед стоял смиренно.

– По этой линии, – дед показал рукой, по какой именно, – мы прошлись оба.

– Зато сны будут клласивые, – ответил китаец.

Если бы чубайс не был столь нетерпелив, он смог бы ограбить всю округу, потому что мы ушли на праздник, а люди спали.

Впереди, делая вид, что страшно озабочен нашей безопасностью, крался Вертер, за ним в окружении котов переваливаясь при ходьбе, шли домовая Махно с кикиморой Кышей. Хуайбинь почтительно поддерживал дедушку Сна с левой стороны, а я с правой. Сон вырядился в красную шёлковую рубаху с петухами, похожими на павлинов – китаец подарил. На мне была синенькая ситцевая косоворотка в бело-жёлтую ромашку. Мы с дедом шли в ритуальной обуви – лаптях. Нельзя сказать, что очень удобно, отвык. На правом плече у меня сидел Люб, а на левом Мама-кися. Они о чём-то перемуркивались, и мне пришлось на них шикнуть.

При выходе из села вся группа взяла правее центра перекрёстка, чтобы обойти списывающего грехи колдуна. Колдун Вовка повадился тут периодически перекладывать свои грехи на жаждущих стать ведьмами девчонок. Дурь ведь не сеют, не пашут – сама родится. На Вовкиных бёдрах сидела юная ведьмочка. Колдун смотрит на север, она на юг. Вот он вздрогнул, ведьмочка взвизгнула, и Вовка повернулся лицом к востоку. Девчонка-то думает, что он ей силу сторон света даёт, а на самом деле, в неё вместе с силой вливаются его грехи.

Обычная история при нынешних нравах. Подружка увела парня, эта хочет отомстить, но нет ни сил, ни умения. А тут появляется красивый молодой и взрослый и обещает научить летать. И вот она воображает, как отобьёт парня обратно, влюбит в себя сильно-сильно, а потом бросит. Про то, что обратно вернуться уже нельзя, она не думает. Злость, как наркотик, затягивает.

Сейчас она увидит истинный облик колдуна. У Вовки всего две заморочки: высокий, нордического типа, блондин, да печальный горбоносый брюнет. А на самом деле он лысый, толстый и волосатый. Кроме морока, он умеет только стимулировать девчоночьи иллюзии. А ещё у него вырастает прекрасная картошка, которую он продаёт на рынке и там же кадрит девиц. Все полёты к морю, прогулки на яхтах и походы в ресторан, на самом деле происходят в его сарайчике при огороде. Так что завтра, юная ведьмочка от него сбежит. Она ещё не знает, что ненавистник брачного ложа Нелюб, вон он в виде чёрного кота охраняет липовую метлу, уже свил в девичьей причёске венец безбрачия.

Ведьмочка ошарашено взглянула на нашу компанию. Всё... она уже видит наш мир. Может быть, когда-нибудь ей хватит ума прийти к нам за советом. Ведьмы разные бывают.

Мы свернули на дорогу к лесу, потом сошли с неё на луг. Вертихвост вывел нас на заросший плакун-травой и ромашками «наш» холмик, и мы все на него взобрались. По тропинке вдоль реки, в сторону святающегося огнями Тирасполя, проскакал, визжащий от радости печенег. Всякий год он сводит из конюшен МВД лошадку и скачет на лиман, где собираются бродившие здесь когда-то скифы, готы, авары, гунны, сарматы и те, про кого мы уже забыли. По тропинке до центра города меньше километра. Как раз попадаешь к зовущему на Измаил памятнику Суворову. Стоящая напротив Екатерина приглядывает за Украиной, а танк Т-34 направлен в сторону Молдавии.

Чёрное чистое небо с искорками звёзд. Полная жёлтая луна ещё только поднимается из-за высокого заросшего лесом противоположного берега Днестра. Она ещё на уровне монастырской колокольни, построенной на деньги последнего российского императора. Маковка колокольни горит лунным светом. Под этой желтизной чёрный лес, а под ним серебряная полоса реки. С нашей стороны редкие ивы, на которых блестят серебристые пятна сидящих на ветвях русалок и горящие желтизной шары омелы. Луна осветила весь луг, в траве которого суежилась всякая жить и нежить. Вон упокоенный суворовский солдат разговаривает с турком, а рядом разминается вылезший из своего кургана киммериец. Вон леший ругается с ободравшей его как липку ведьмой. Русалка присматривает за выведенными на прогулку утопленницами, украшающими иву цветами.

Как только мы устроились на холме, по дороге позади нас проскрипело колесо. Это прибыл колдун Вовка. Над ним в небе счастливо хохотала ведьмочка. В первый раз летит.

Я прилёг на траву. Люб тут же устроился в ложбинку между левой рукой и моим телом. Мама-кися стала расчесывать когтями мне волосы, а Вертик ревниво уткнулся под правую подмышку, вытянулся на брюхе и только прядал ушами. Напоминал, что их надо почесать.

Я помню времена, когда вместе с нами всё живое выходило на простор. Смотреть цвет папоротника. Уговорить домового поселиться в новом жилище. Поговорить с предками. Вспомнить родство. Теперь людей стало много, и мы показываем сны. Те, кто видит их, живы.

Луна наконец-то оторвалась от холма, и тут же в лесах с той стороны реки с рокотом пошли вверх меж деревьев тонкие белёсые ростки. Чуть выше крон деревьев они остановились, и головки папоротника взорвались синим туманом семян. Синяя луна продолжила свой бег, осветив, на том берегу группу монахов. Как обещали, они везли на телеге бочку. Эти монахи пришли сюда, в Империю, лет двести назад. Бежали от большой филетизмом – религиозным национализмом, румынской церкви. Принесли с собой самое дорогое – Устав Паисия Величковского об обязательном ведении службы на трёх языках. Часть ушла в Киев, но не найдя там вселенскости, бежала в Россию. Двое остались под Брянском, где основали Белобережский монастырь, остальные ушли в Оптину пустынь, а самые впёртые пошли путём Андрея Первозванного до Валдайских островов. К оставшимся здесь, что везли вино, уже бежали казаки и буджакские гагаузы – тоже когда-то покинувшие Румынию, православные турки Кантемира.

На нашем берегу возле ив стремительно взмыл в небо гороховый стебель. Вот он перечеркнул лик луны, поднимаясь все выше и выше к темным небесам. Стебель и рос, и цвёл, и стручковался, пока не занял все пространство небес. Уже через его ветви выглядывали луна и звезды... и вечность. Из пустоты космоса возникла рука и благословила нашу землю. Выщелкнула из стручка горошинку и исчезла.

Значит, будем жить.

Справа, со стороны Бендерской крепости раздались приветственные залпы турецких и шведских орудий. Там встречают праздник турецкие и русские солдаты, а шведы ещё и вспоминают своего беглого короля. Чего ему не сиделось в Бендерах? Кто его дома ждал?

Двадцатый и двадцать первый век ещё не поднимаются. Мало времени прошло для примирения.

Дедушка Сон выпустил полетать Жар-птицу, а китаец дракона, и они затеяли игры в переплетении гороховых ветвей.

– Класива, – сказал Хуайбинь, – наса бамбука тозе лластет клласива.

Я перевернулся на живот и стал слушать землю. Она, торжествуя, рвалась навстречу новой жизни. Жаждала впитать и насытить собой семена.

В трансе дрёмы я чувствовал трясущийся от зависти куст бузины. Чубайс видел бесконечный сон, как его подельники без него обворовывают страны и города, сея страх и безнадёжность. Но он, конкретно он, не может насыщаться людской бедой.

На наш праздник собирались приехать Верховный шаман и ныне действующий монгольский Бодхисаттва. Но шаман со своими бурятами умирят наших недружественных соседей, а оставшийся среди людей Будда, приводит в разум калмыцкого ламу. Обещали явиться на следующий год... Точно, точно!

– Хорошо! – сказал дедушка Сон. – Спи Дрёма. Ты хорошо поработал.

Сергей Лысков

Смайлик человечеству

Телевизор хоть не включай: один за другим новостные блоки о катастрофах, авариях, конфликтах. Вся сетка вещания пестрила негативом в преддверии двадцать второго декабря две тысячи двадцать второго года. Вроде обычная красивая дата, но человечество, пользуясь принципом «обжётся на молоке – дуй на воду», превратило шесть двоек в день апокалипсиса.

Новости: «В Перу произошла катастрофа: на скоростной автомагистрали водитель автобуса, перевозивший местную футбольную команду, преднамеренно при входе в туннель влетел в железобетонные ограждения; погибло сорок человек, и в обрушенном туннеле замуровано ещё около двадцати жертв. Взрыв обрушил железобетонные перекрытия...»

– Рита, выключи этот бред! – раздражённо попросил Никита.

– Не забывай, ты в группе риска, все переболевшие вирусом девятнадцатого года подвержены сильной депрессии, ты обязан интересоваться проблемой, а не отрицать, – возразила супруга.

Мужчина закрыл лицо ладонями и словно зверь прорычал от нежелания погружаться в услышанное. Он и без депрессии корил себя за гибель приёмного сына. В начале двадцатого года, когда весь мир пребывал в панике, сам того не ведая, Никита Сергеевич привёз из командировки вирус. Супруга не заразилась, а сын, страдавший ДЦП, пополнил печальную статистику умерших до 25 лет. А тут ещё массовые суициды на фоне прекращения выработки нейромедиаторов – такое вот коварное осложнение для тех, кто перенёс инфекцию. Никто не ожидал таких последствий, именно поэтому каждая новая крупная информация заражала негативом, казалось, он был везде, мир словно погряз в нём. И, что самое страшное, с каждым днём всё отчаяннее верилось, что конец неизбежен.

Сигнал телефона напомнил, что пора на работу. Он зашёл в уборную и вытер запотевшее после утреннего душа жены зеркало. Из зеркала на него смотрел словно не он: растрёпанные каштанового цвета редкие волосы, по бокам лысины, местами седая щетина и полные грусти зелёные глаза. Даже улыбка больше походила на оскал. Он и сам не понимал, как буквально за пару лет превратился из жизнерадостного мужчины в наполненного страхами старика. Ответа не было.

Кофе, тосты с сыром, съеденные через не могу. Поцелуй в щёчку перед уходом и неторопливые шаги к машине. Вместе с зажиганием включилось радио, и ведущий после позитивных, в кавычках, новостей вдохновлённо произнёс: «Из приятного: впервые с января этого года счётчик психологических жертв мистической даты 22 декабря 2022 года показал снижение роста на полпроцента, аналитики и психологи утверждают, что это временное явление и чем ближе этот декабрьский день, тем больше будет количество суицидов. Что ж, поглядим-посмотрим, до дедлайна остался ровно месяц».

Никита с пробуксовкой тронулся, и машина, набирая обороты, помчалась навстречу новому рабочему дню в центре «Надежда».

Двухэтажное помещение в центре города, с радужными занавесками, солнечной вывеской и специально оборудованным входом, было знаменитым на весь город реабилитационным центром для «особенных» детей. На примере своего сына Никита Сергеевич разработал программу реабилитации, потом его работу заметили, и примерно десять лет назад он получил грант под инновационную методику восстановления подростков с детским церебральным параличом. За год он собрал крепкую команду и стал упорно трудиться. Они применяли способности нейросети для выстраивания курса восстановления. Не всегда получался идеальный

результат, но дети с ДЦП как минимум становились социально адаптированными, а самые трудолюбивые после полной реабилитации становились спикерами или тренерами для новеньких мальчишек и девчонок. Профессиональный штат сотрудников, принцип «равный лечит равного» и доступная в денежном эквиваленте помощь – эти постулаты составляли основу успеха центра «Надежда». Финансовую стабильность давали правительственные гранты, но так было до декабря 2019 года.

– Привет, – зайдя в центр, сказал он. – Сколько групп в работе?

– Одна, с Антоном, – ответила дежурная медсестра, – остальные родители попросили войти в положение: мол, последние дни хотели бы провести в кругу семьи.

– Понятно, – вешая куртку, ответил он. – Антон, как закончит сеанс, пусть зайдёт.

– Хорошо, передам. Вы сами работаете в обычном режиме?

– Естественно, в обычном!

В кабинете стояла звенящая тишина, на стене висели многочисленные грамоты, награды за успешный труд, а слой пыли на мониторе скорее говорил о нежелании поглощать негатив из всемирной сети; впрочем, уборщицу, с учётом финансового положения, пришлось уволить. Экономили на всём, а с учётом второго месяца с минимумом пациентов, материальное положение реабцентра было незавидным.

– Никита Сергеевич, у меня гениальная идея для рекламы! – расплывшись в улыбке, начал Антон.

Жизнь особенных детей сильно отличается от привычного детства, если, конечно, рядом нет понимающих взрослых, которые могут создать правильные условия для развития. Мама Антошки отказалась от сына в первый день после родов, в графе отец поставили прочерк из-за отсутствия данных, ну а все остальное: имя, фамилию и отчество – придумали сотрудники специализированного дома ребёнка, куда этот мальчик был определён. В центр «Надежда» он попал на своё тринадцатилетие и, как говорится, прикипел всей душой к его сотрудникам. Крепкий парень с кудрявой шевелюрой и обворожительной улыбкой, несмотря на неслаженную походку, располагал к себе с первого взгляда. А после гибели сына Никита Сергеевич с отцовской заботой следил за каждым шагом подопечного по карьерной лестнице.

– Вообразите, конкурс в сети, в котором объединены два культовых символа этого века, – немного гримасничая и затягивая окончания слов, продолжил Антон. – Первое – это селфи, а второе – мечта.

– Фотоконкурс? – пытаюсь сохранять оптимизм в голосе, уточнил Никита Сергеевич. – В сети?

– Именно! Мы соберём терабайты счастливых лиц на пути к своей мечте и так каждый год!

– Ты новости смотришь?

– Если вы про шесть двоек и все предсказания – слышал. Не верю!

– Сам такой, – поддержал его Никита Сергеевич, – но жизнь просто подводит к обрыву.

Руководитель центра посмотрел на одетого в модный клетчатый спортивный костюм молодого человека, и если бы не сжатые пальцы кистей и некое кривляние во время разговора, то и не скажешь, что у него проблемы со здоровьем. Обычный тинэйджер, голодный до взрослой жизни.

– «Селфи с мечтой!» Это название конкурса.

– Хорошее, – включая компьютер, ответил Никита Сергеевич. – Два миллиона восемьсот тысяч погибших с декабря 2019 года – это общий счётчик жертв вируса.

– Лучше не следить за этим.

– Вот если начистоту, я согласен, что календарь мая, пророчества, найденные в Египте...

– Летопись атлантов, найденная в Антарктиде, – дополнил Антон.

– Ну, летопись атлантов – весьма сомнительный факт, но допустим... – продолжил Никита. – Все эти цивилизации подвели окончание своих календарей к двадцать второму декабря этого года. Но ведь никто же не писал, что после этой даты будет конец? У них просто календари закончились.

– Вечный спор.

– Вот именно, – оживился Никита Сергеевич. – Но, с другой стороны, вирусная пандемия девятнадцатого года и, как следствие, побочные явления к концу двадцать первого. Поствирусная депрессия с нарушением выработки нейромедиаторов спровоцировала огромное количество самоубийств. И если с вирусом мы научились бороться – вакцины, гигиена и профилактика, то суициды – просто беда. Видел, что в Перу сделал фанатик апокалипсиса?

– Нет.

– И что делать с этой бедой в головах?

– Верить.

– Во что верить? – скептически спросил Никита Сергеевич.

– Не во что, а в кого.

– А если не работают институты веры, людские пороки всё опошили.

– Всё равно нужно верить!

Только сейчас Никита заметил, что его ученик пришёл с пухлой папкой. Там была полная смета конкурса «Селфи с мечтой». Изложенный на сорока листах план требовал немалых денег, но и масштаб мероприятия потрясал: планировалось привлечь аудиторию со всех континентов, организовать штаб-компании по обработке и хранению полученных данных. Но самое главное, Антон расписал, как всё это запустить в недельный срок, адреса и пошаговый план действий. Позитивный проект, если бы не счётчик жертв, который обновлялся каждые двенадцать часов.

– Боюсь, денег сейчас никто не даст, – изучив бумаги, ответил Никита. – Мне очень жаль.

– А если под грант? Я подсчитал: с учётом сокращения штата и двухлетней работы не в полную мощность у вас должно было сохраниться процентов шестьдесят от суммы гранта, – воодушевлённо продолжил Антон. – Можно потратить эти деньги?

– Надо всё обдумать. Давай я к концу месяца посчитаю, и потом решим.

– Надо успеть до шести двоек! – строго заявил Антон. – Пожалуйста, Никита Сергеевич, подумайте сегодня, а я завтра зайду за результатом.

Никита Сергеевич был несколько обескуражен – он не любил, когда ему указывали, как нужно работать. Но данная ситуация была особенной, и поэтому, провозжая ученика, он пообещал посчитать остатки по гранту и принять решение с фотоконкурсом. Однако до финансовых операций он так и не добрался – включённый компьютер и всемирная сеть, как магнит, притягивали внимание.

Ведущий ток-шоу: «Насколько серьезны опасения, связанные с датой 22 декабря 2022 года?»

Эксперт: «Я не уверен, что вот прям остановится планета и будет апокалипсис, нет, для этого нет предпосылок».

Ведущий: «Вы видели вечерний скачок психологического счётчика жертв вируса?»

Эксперт: «Стараюсь не смотреть и вам рекомендую».

Ведущий: «Но что делать с массовыми самоубийствами?»

Эксперт: «А вот это проблема, мы столкнулись с ней у сорока процентов пациентов, перенёвших новую вирусную инфекцию, это отсроченные побочные действия нервной системы. Учёные всего мира пока не поняли механизм возникновения столь мощного депрессивного фона и, как следствие, попытки прервать жизнь, но что известно наверняка – процесс имеет сезонность, и зима, как показал прошлый год, – пик этого явления».

Ведущий: «Добровольное самоубийство человечества. Вы посмотрите новости: ладно, собственная жизнь, так нет – смертник забирает с собой десятки жизней ни в чем не повинных людей. А межгосударственные конфликты? За два года вспыхнули почти все «горячие точки» на политической карте мира. Разве это не конец света?»

Эксперт: «Теоретически у нас есть оружие, способное дестабилизировать планету, запустив необратимые и губительные явления».

Ведущий: «Вот! И я про это. Может, именно в «день шести двоек» один из таких уставших жить людей нажмёт кнопку, и мир, каким мы его знаем, исчезнет?»

Эксперт: «Не следите за счётчиком и не драматизируйте просто красивую дату».

Не желая слушать дальнейшую полемику, Никита выключил компьютер. В попавшейся на глаза бутылке оставалось всего на одну рюмку, начинать новую в понедельник было не очень хорошей идеей. Хотя последнее время он частенько позволял себе одну-две стопки в конце работы. А сегодня, несмотря на начало недели, в голове всё смешалось – и задор ученика, и пессимизм ток-шоу... Рука сама потянулась за зельем забвения. Одной стопкой не обошлось, и с каждой новой дозой он всё больше корил себя за любознательность. Ведь сколько раз зарекался не смотреть и не слушать ничего о счётчике жертв.

– Привет, будешь ехать – купи роллы.

– Я буду на такси, – ответил по телефону Никита Сергеевич.

– Ты опять выпил?

– Всё, давай, куплю. Жди.

Раздражённый, он сбросил звонок и, пошатываясь, вышел на улицу. Снег падал крупными хлопьями. Жёлтый свет фонарей вечернего города придавал улице частичку уюта даже в такую погоду. Суетливые водители, маневрируя, двигались по автостраде, периодически давя на клаксон при манёвре неопытных собратьев. Такси подъехало прямо к подъезду, и, поправляя прикрывающий лицо шарф, Никита сел в машину.

– Вы можете надеть маску? – попросил водитель.

– Я переболел в прошлом году и повторно привит, можете не беспокоиться, вот социальная карта.

Таксист внимательно изучил голограмму и, убедившись в правдивости слов клиента, тронулся. Дома ждал скандал и поздний ужин в одиночестве. Супруга упрекала в эгоизме, она не понимала, как можно тратить последние дни жизни на беспробудное пьянство.

Утреннего похмелья как такового не было, лёгкий тремор, немного страха и давящая боль в затылке. По приезде на работу дежурная медсестра дала таблетку, и спазм потихоньку отступил.

– Никита Сергеевич, звонил куратор по гранту, просил напомнить, что к пятнице он ждёт финансовый отчёт, – докладывала дежурная медсестра.

– Спасибо, что напомнили, – открывая «финансовый помощник», сказал он.

– И ещё к вам Антон. Говорит, очень важный разговор, примете?

– Через пару минут.

Разговор с бывшим выпускником центра снова закончился обещанием в ближайшие дни принять решение по фотоконкурсу. Было видно, что Антон в душе обиделся на прохладное отношение к его идее. Никита говорил о дороговизне проекта, о возможных рисках не собрать целевую аудиторию, и с каждым брошенным «вот если» автор конкурса всё сильнее понимал, что не найдёт отклика в лице руководителя.

– Я всё понял, – перебил его Антон и собрался уходить.

– Погоди, давай так поступим. Я попробую снизить стоимость проекта, и тогда, возможно, за счёт гранта мы его и проведём.

– Хорошо, – вымученно улыбаясь, ответил Антон. – Я пойду?

– Завтра приходи, и я обещаю всё пересчитать!

Тот сгрёб свои бумаги и, прихрамывая, покинул кабинет. Весь остаток дня Никита Сергеевич посвятил отчёту. Программа выдавала, что из-за резкого спада числа пациентов во втором и третьем квартале в бюджете реабилитационного центра скопилась немалая сумма непотраченных средств. Но консультация с куратором испортила настроение, тот в приказном порядке требовал потратить все деньги до конца декабря, в противном случае грант аннулируют и придётся вернуть уже потраченное. Так себе перспектива перед грядущим апокалипсисом.

Поздно вечером, двигаясь по шоссе, он припарковался возле цветочного магазина. И ему повезло: свежий букет голубых ирисов просто шептал: «Купи меня, и она всё простит». Так что уже вечером, за совместным ужином, они пытались разговаривать не на тему злополучной даты.

- Представляешь, если не потратим деньги до конца года, будут крупные проблемы.
- Потратить на рекламу, – предложила жена. – Или на конкурс.
- Ты думаешь, найдутся участники?
- А какая разница? Деньги-то будут потрачены.

На этой фразе Никита застыл, переваривая предложение. Его пытливый разум рисовал картину масштабного мероприятия и глобальной рекламы. И да, это был именно проект Антона.

- Селфи с мечтой! – прошептал он и поцеловал любимую.

Однако утром Антона не оказалось дома. Конечно, Никита знал адрес ученика и поэтому перед работой заехал именно к нему. Как он думал, личный визит подбодрит паренька и вдохновит на реализацию проекта.

- Я не видела его со вчерашнего утра, – сказала консьержка.

– А вы можете позвонить мне, когда он появится? – оставляя визитку, попросил Никита Сергеевич.

Пожилая женщина согласно кивнула, а озадаченный руководитель реабилитационного центра поехал в министерство знакомить куратора с проектом конкурса.

– В принципе, да! – дочитал смету полный мужчина. – Деньги немалые, но вот идея слегка размытая. Селфи всех подряд с мечтой? Так не годится, пусть будут только селфи «особых» детей с их мечтами.

- Я согласен.

– Это будет как раз по вашему профилю, и можно будет урезать пару пунктов в смете, наши экономисты пришлют вам конечный результат.

- Когда запускать проект?

– Вчера ещё нужно было, Никита Сергеевич, вчера. Так что садитесь на телефон и заказывайте рекламу по всевозможным источникам. И, кстати, идея с мировой рекламой весьма недурна, только, как мы договорились, не для всех, а только для «особенных» детей.

- Понял.

- Тогда чего сидите? Работайте!

Рекламные агентства чуть ли не в открытую говорили о бесполезности такой затеи в преддверии 22 декабря. Все поисковики работали на тему, связанную с концом света. До миллиарда запросов в день по теме. В таком плотном потоке «инфы» с учётом грядущего апокалипсиса рекламировать новый конкурс для «особенных» детей – всё равно что искать чёрную кошку в одноименной комнате с учётом отсутствия таковой.

– Я гарантирую стопроцентную предоплату, – стоял на своём Никита. – Сайт для приёма конкурсных работ уже делается и к пятнице начнёт функционировать. Я хочу, чтобы реклама была масштабной, и каждая новая работа афишировалась по полной, причём на всех интернет-площадках.

– Понимаете, Никита Сергеевич, – неуверенно сказала девушка на том конце провода, – предоплата – это, конечно, хорошо, но, с учётом текущих реалий, мы не гарантируем полноценного освещения вашего мероприятия.

– Пусть так, вы, главное, разместите!

И такое неподдельное удивление было у каждого агентства, с которым заключался договор. Но финансовые шестерёнки закрутились, и деньги перетекли со счета гранта на счета рекламных агентств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.